

VOL 5, No 71 (71) (2021)

The scientific heritage

(Budapest, Hungary)

The journal is registered and published in Hungary.

The journal publishes scientific studies, reports and reports about achievements in different scientific fields.

Journal is published in English, Hungarian, Polish, Russian, Ukrainian, German and French.

Articles are accepted each month.

Frequency: 24 issues per year.

Format - A4

ISSN 9215 — 0365

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal.

Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

Chief editor: Biro Krisztian

Managing editor: Khavash Bernat

- Gridchina Olga - Ph.D., Head of the Department of Industrial Management and Logistics (Moscow, Russian Federation)
- Singula Aleksandra - Professor, Department of Organization and Management at the University of Zagreb (Zagreb, Croatia)
- Bogdanov Dmitrij - Ph.D., candidate of pedagogical sciences, managing the laboratory (Kiev, Ukraine)
- Chukurov Valeriy - Doctor of Biological Sciences, Head of the Department of Biochemistry of the Faculty of Physics, Mathematics and Natural Sciences (Minsk, Republic of Belarus)
- Torok Dezso - Doctor of Chemistry, professor, Head of the Department of Organic Chemistry (Budapest, Hungary)
- Filipiak Pawel - doctor of political sciences, pro-rector on a management by a property complex and to the public relations (Gdansk, Poland)
- Flater Karl - Doctor of legal sciences, managing the department of theory and history of the state and legal (Koln, Germany)
- Yakushev Vasilij - Candidate of engineering sciences, associate professor of department of higher mathematics (Moscow, Russian Federation)
- Bence Orban - Doctor of sociological sciences, professor of department of philosophy of religion and religious studies (Miskolc, Hungary)
- Feld Ella - Doctor of historical sciences, managing the department of historical informatics, scientific leader of Center of economic history historical faculty (Dresden, Germany)
- Owczarek Zbigniew - Doctor of philological sciences (Warsaw, Poland)
- Shashkov Oleg - Candidate of economic sciences, associate professor of department (St. Petersburg, Russian Federation)
- Gál Jenő - MD, assistant professor of history of medicine and the social sciences and humanities (Budapest, Hungary)
- Borbély Kinga - Ph.D, Professor, Department of Philosophy and History (Kosice, Slovakia)
- Eberhardt Mona - Doctor of Psychology, Professor, Chair of General Psychology and Pedagogy (Munich, Germany)
- Kramarchuk Vyacheslav - Doctor of Pharmacy, Department of Clinical Pharmacy and Clinical Pharmacology (Vinnytsia, Ukraine)

«The scientific heritage»

Editorial board address: Budapest, Kossuth Lajos utca 84,1204

E-mail: public@tsh-journal.com

Web: www.tsh-journal.com

CONTENT

ART STUDIES

Volkov V.

THE IMPORTANCE OF MODERN URBAN SEMIOTICS
FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVITY IN
URBAN SOCIETY3

Kvetsko A.

THE ROLE OF FOLK STAGE DANCE IN THE SYSTEM OF
PROFESSIONAL CHOREOGRAPHIC TRAINING7

ECONOMIC SCIENCES

**Petlenko Yu., Pohribna N., Chervinska T.,
Kapustian O., Pysmenna M.**

FINANCIAL INCENTIVES TO DEVELOP THE GREEN
INFRASTRUCTURE AND ENERGY10

Chernii V., Portnyi O.

THE ESSENCE OF THE MODERN ECONOMIC STRATEGY
AND ITS PLACE IN THE DEVELOPMENT OF THE
ENTERPRISE13

Stoyan M.

OPTIMIZATION OF BANKING PRODUCTS AND
SERVICES.....17

Khristolubova N.

DIGITALIZATION OF THE ECONOMY AND THE
PROBLEMS OF COMPLIANCE AND FORMATION OF
THE NECESSARY LEVEL OF HUMAN CAPITAL.....24

JURIDICAL SCIENCES

Kostanyan G., Kazanchian L.

FEATURES OF THE CORRELATION OF THE LEGAL
STATUS OF THE INDIVIDUAL WITH THE
IMPLEMENTATION OF THE NECESSARY DEFENSE.....29

Fedorenko V.

THE RIGHT OF OWNERSHIP IN THE LEGAL POSITIONS
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RF.....33

POLITICAL SCIENCES

Kiseleva S.

THE FOREIGN POLICY CONCEPT OF THE PEOPLE'S
REPUBLIC OF CHINA'S FOR THE DEVELOPMENT OF
THE ECONOMY IN THE 1950 - 1960 YEARS OF THE XX
CENTURY36

Khlopov O.

THE US AND RUSSIAN APPROACHES TO FORMATION
OF A NEW PERSIAN GULF SECURITY SYSTEM.....41

ART STUDIES

ЗНАЧЕННЯ СУЧАСНОЇ МІСТОБУДІВНОЇ СЕМІОТИКИ ДЛЯ РОЗВИТКУ КОМУНІКАТИВНОСТІ В СЕРЕДОВИЩІ МІСЬКОГО СОЦІУМУ

Волков В.А.

*аспірант Національної Академії Образотворчих Мистецтв і Архітектури Волков
<https://orcid.org/0000-0001-6473-3834>*

THE IMPORTANCE OF MODERN URBAN SEMIOTICS FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVITY IN URBAN SOCIETY

Volkov V.

Postgraduate

National Academy of Fine Arts and Architecture

<https://orcid.org/0000-0001-6473-3834>

DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-3-7](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-3-7)

Анотація

Урбаністичне середовище в умовах сьогодення є плацдармом впровадження елементів інноватики та реалізації технологічних досягнень: інтернету речей, хмарних обчислень та інтеграції масивів даних у повсякдення. Результатом реалізації інновацій стає концепт «розумного міста», що втілює модель найближчого майбутнього для більшості сучасних споживачів цифрових технологій. У розумному місті, згідно провідної його ідеї, буде зручніше перебувати та діяти завдяки збору й аналізу інформації; продумана цифрова інфраструктура, зібрані в реальному часі дані та загальна комп'ютеризованість сприятимуть ефективнішій роботі адміністрації міст та покращуватимуть якість життя їх жителів. При цьому корпоративний та технологічний виміри не є єдино визначальними в урбаністично кваліфікованому просторі; із зростанням ролі розвитку міст суттєву роль набуває семіотичний складник урбаністичної сфери. У цьому контексті місто – це не просто набір технологічних рішень для організації та оптимізації суспільного життя, а й реальна зона перебування містян, що має певний прожитий досвід та сформовані моделі поведінки спільнот, які слід розуміти та інтегрувати в інфраструктуру. Семіотичний вимір урбаністичного простору, таким чином, фокусується на соціальному та культурному розумінні міської проблематики й нерівності, а також розширенні кола персональних знаків, що сприяють містобудівному розвитку. При цьому основними проблемними аспектами семіотики «розумного міста» на сьогодні є обмеженість співпраці мешканців та проблеми у сфері порушення особистої приватності й конфіденційності, соціальної справедливості, «оздоровлення» маргіналізованого прошарку містян тощо. Канонізованість корпоративної моделі розвитку розумних міст, точковість застосування технологій, необґрунтоване засилля корпоративної ідеології, а також певна невизначеність урбаністичної семіотичної реалізації, є предметом наукового інтересу автора статті.

Abstract

An urbanism environment in the conditions of present time is the place of innovation elements introduction and realization of technological achievements: to the internet of things, cloud computing and integration of arrays given in a daily occurrence. The «clever city» concept incarnates the model of the nearest future for most modern consumers of digital technologies becomes the result of innovations realization. In clever city, in obedience to leading his idea, will more comfortable be and operate due to collection and analysis of information; carefully thought out digital infrastructure, data collected real-time and general computerization will assist more effective work of administration of cities and improve quality of life of their habitants. Thus corporate and technological measuring only does not determine in urbanism skilled space; with the increase of cities development substantial role the semiotic constituent of urbanism sphere acquires. In this context city is not simply set of technological decisions for organization and optimization of public life, but also the real zone of citizens staying, that has the spent experience and formed models of behavior of associations that it follows to understand and integrate in an infrastructure are certain. The semiotic measuring of urbanism space, thus, focuses on the social and cultural understanding of municipal range of problems and inequality, and also expansion of the personal signs circle that assist to urbanism development. Thus the basic problem aspects of semiotics of «clever city» is limit nature of participation and collaboration of habitants, problem in the field of violation of the personal detail and confidentiality, social justice, bringing in of marginal layer of citizens and others like that. Canonization of corporate model of «clever cities» development, pointing application of technologies, groundless dominant influence of corporate ideology, and also certain vagueness, them semiotic realization, is the article of scientific interest of author of the article.

Ключові слова: урбаністика, розумні міста, міська цифровізація, знак у міському просторі, семіотична модель розумного міста.

Keywords: urban, clever cities, municipal digitalism, sign in municipal space, clever city semiotic model.

Постановка проблеми. Глобалізація й мобільність робочої сили, стрімка урбанізація й дедалі сильніша конкуренція між містами, які хочуть привабити фінансовий і людський капітал, далі змушують міста прагнути високих досягнень малими ресурсами. У всіх цих контекстах оптимізація й екосвідомість стають повторюваними цілями, яких технологічні системи допомагають досягти, роблячи місто програмованим, тобто здатним постійно збирати та аналізувати інформацію в реальному часі та реагувати на неї. У семіотичному контексті міста можна вважати ще одним варіантом вирішення проблемних аспектів управління і контролю комунікації у межах міських середовищ.

На розвиток нових семіотичних засобів взаємодії на глобальному рівні впливає перш за все технологічний прогрес та тотальна цифровізація. Розробники смарт-технологій ухвалюють рішення про дизайн оточуючого простору, формують та просувають потреби у продуктах та сервісах, що є вагомим складником сучасної культури споживання. Розумне місто у семіотичному контексті ми розуміємо як цифровізацію не у локальному – на рівні персонального мобільного пристрою, а у масштабі – на рівні соціальної інфраструктури – просторі.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідники, які мають справу з концепціями формування інноваційної культури, сходяться у тому, що попри всю свою новизну, полеміки, технології й управлінські практики зі сфери інноватики можна поставити в ширший історичний контекст управління комунікаціями й використання інформаційно-комп'ютерних технологій у технологічному просторі.

М. де Ланге та М. де Ваал акцентують увагу на зв'язки цифрових медіа та міської культури, семіотично відносячи розумні міста до дискурсу культури причетності, колективного розуму, культур та етики, в межах якої різні групи населення збираються разом для вирішення спільних проблем [1].

Професор, фахівець у сфері культури та комунікацій С. Макквейр [2] стверджує, що великі вуличні екрани, які зазвичай є цифровими біг-бордами, можна використовувати для активізації соціальної взаємодії в міській спільноті. У спостережуваному ним пілотному проєкті PublicSpaceBroadcasting [3] великі вуличні екрани транслювали місцеві відео, зразки нового медіа арту та інтерактивний регіональний контент, створений за підтримки міських рад та громадських організацій. Взаємодія учасників продемонструвала породження нових колективних ритуалів та несподіваних контактів незнайомих, що дозволяє розглядати біг-борди у даному контексті як семіотичний знак.

Сучасні «розумні міста» відрізняються від «інтелектуальних» або «цифрових» міст саме наявністю вираженого семіотичного складника; провідним у концепції «розумного міста» стає можливість реагувати на потреби та поведінку жителів, пристосовуватися до неї та навіть прогнозувати її. Раніше «розумними» називали ті міста, де імплементавали цифрову інфраструктуру та інформаційно-

комп'ютерні технології, проте тепер так називають міста, де ці технології повинні оптимізувати всі міські системи, щоб покращити якість послуг і загальом життя в місті [4].

Е. Таунсенд відмічає, «розумні міста – це території, де інформаційними технологіями користуються для вирішення проблем» [5]. Новітні стратегії розвитку розумних міст спрямовано на швидке вирішення проблем завдяки колосальному обсягу даних, накопичених за допомогою пристроїв безперервного моніторингу. Такі міста визначають високий рівень їх можливостей з точки зору інноваційності та темпів інтеграції елементів інтернету речей у міський розвиток і планування.

Виклад основного матеріалу. Трансформації інноваційних технологій як медіатори комунікації змушують шукати відповіді на новітні варіації одвічних засадничих питань про комунікативно-технологічний простір: яким чином організовано комунікативний процес у сучасному просторі, яке характеризується інновативністю. У найбільшій мірі, на наш погляд, риси сучасної інноваційної культури у контексті комунікації як технологічно-процесуальної риси проявляються у такому феномені сучасності, як «розумне місто».

У зарубіжній літературі проблематика розумних міст обговорюється досить інтенсивно, а зважаючи на стрімкий прогрес урбаністичного стилю життя і у країнах пострадянського простору, дане питання актуалізується і в українському науково-аналітичному дискурсі. Основним, засадничим є питання – як слід планувати міста, щоб гуртувати їхніх жителів у спільноту, регулювати зростання й ефективно розподіляти ресурси і сервіси.

Зразки риторики корпоративних творців розумних міст урівноважують виразні контраргументи тих, хто вважає їхні трактування продуктом неоліберальної ідеології та просуванням упереджених чи несправедливих технологічних і соціальних практик [6]. Такі критики обстоюють виразну ідею міста.

Ідею розумного міста і навіть сам цей термін нині важко відокремити від корпоративного трактування цифрових медіа, даних і міського простору. У статтях про міські технологічні новації рідко трапляється чітке розуміння суті описаного, проте автори формулюють рішення в царині розвитку міст та представляють технології, які збираються запроваджувати в цій сфері, що у повній мірі не відображає комунікативну сутність даного феномену як ключову характеристику інформаційного розвитку сучасного міста.

Р. Голландс, професор міської соціології й критик концепту розумних міст, наголошує на схожості риторичних прийомів у наукових та урбанологічних публікаціях і зауважує, що міста часто величають себе «розумними», але дуже рідко подають критерії, за якими це можна перевірити, чи пояснюють, чому «розумність» така важлива [7].

Визначення і описи розумних міст суттєво відрізняються у наукових джерелах відмінної спрямованості [8]. Проте всі визначення об'єднують одне: на-

ріжним каменем і чільною характеристикою розумних міст вважаються інформаційні й комп'ютерні технології. Нерідко розумні міста називають урбанізованими середовищами, де ці технології агресивно імплементують, щоб збирати дані, які допоможуть підтримувати, відстежувати й покращувати інфраструктуру: рух транспорту, переробку сміття, споживання енергії, реакцію в надзвичайних ситуаціях.

Інформаційні технології є основою управління системою мереж; у розумному місті вони пронизують майже всі аспекти повсякдення, спрямовують діяльність жителів, допомагають збирати відгуки від систем і клієнтів та відповідати на них у реальному часі. Осередком такого трактування розумних міст стала здатність моніторити поведінку і вчинки жителів за допомогою взаємопов'язаних сенсорів, чутливих предметів і швидкісного інтернет-з'єднання, що перетворює дії на дані. Прагнення зчитувати міські взаємодії як дані грає на руку означенню розумних міст як інформаційних систем оперативного реагування.

Крім здатності екстрено реагувати на природні й поведінкові зміни, особливістю розумних міст називають їхню прогностичність. Поряд із системами спостереження аналітику «великих даних» подають як ще один спосіб прогнозувати тренди чи майбутні міські процеси й умови [9].

Слово «розумне» стратегічно налаштовано на підкреслення логістичної переваги певного міста. Його неоднозначність дає змогу організаціям, зацікавленим у різних аспектах міського життя, концентруватися на численних сферах інновацій (управління, громадська безпека, транспорт) і покращення (здоров'я й добробут, екологічний розвиток, якість життя). Керівні органи на зразок Європейської комісії називають розумними міста, де інформаційні й комп'ютерні технології допомагають ефективніше й зручніше обслуговувати жителів і підприємства [10].

Розробники технологій зауважують, що в розумних містах задіяно цифрові інструменти, які трансформують їхні системи життєдіяльності, оптимізують використання доступних ресурсів і покращують якість життя.

На практиці розумні міста визначають як території, де цифрові медіа стратегічно інтегровано в інфраструктуру і програмне забезпечення для збору, аналізу й поширення даних, які допомагають ухвалювати інформовані структурні рішення про міські середовища і види діяльності. За словами видатного історика архітектури й дослідника технологій А. Пікона, розумні міста задумуються як мислячі або «очуттєвлені міста», яким властива підвищена усвідомленість світу й самих себе завдяки використанню даних і технологій [11].

Учені-дослідники з питань урбаністичного планування й містобудівництва дослідили, як взаємопроникні міські середовища (фізичне й віртуальне) доповнюють свідомість жителів і стимулюють особистіші, ближчі контакти з міським простором [12]. Частина цих контактів підтримується

завдяки інноваціям розумних міст – порталам відкритих даних, сенсорним мережам та офіційним мобільним додаткам, комерційним локативним і соціальним медіасервісам, інтерактивним публічним арт-проектам і цифровим вуличним іграм [13]. Якись захопливі чи близькі типи контакту з містом узагалі не можна простежити чи розвинути за допомогою цифрових технологій, тому поточні моделі розумних або «очуттєвлених» міст їх часто ігнорують [14].

Наголос на соціальності й пріоритетності людей зміщує семіотичний дискурс розумних міст від розумності через технології до розумності завдяки взаємодії і використанню технологій у повсякденній соціально-урбаністичній активності. При цьому осередком семіотичного дискурсу розумних міст є цифрові медіа інфраструктури та зростаюча роль електронних даних у міському середовищі.

Новостворені парадигми розумних міст ставлять у центр уваги громадянську активність, при цьому зростає роль саме семіотики міського простору, за рахунок електронних знаків та кодів. Модель розумного міста уявляє концепт того, що у більшості громадян є певний рівень щоденного доступу до мобільних і цифрових технологій, а також знання чи думки стосовно виправлення спільних міських проблем. Жителі міста використовують цифрові медіа, щоб отримати доступ до ресурсів, які задовольняють місцеві потреби та уявлення про місто, щоб мати змогу переосмислювати певні соціальні практики через нові доступні семіотичні знаки.

Важливо досліджувати, як саме розробники «розумних міст» артикулюють необхідність появи цих урбаністичних форм. В основі загального обґрунтування появи розумних міст лежить потреба оновити міста. Очікуване стрімке зростання міського населення та потрібні для його підтримки простір і ресурси є основним обґрунтуванням розвитку урбаністичного простору загалом, та «розумних міст», зокрема. Урбаністична трансформація міського простору у впорядковані технологічні системи є одночасно і метою, і обґрунтуванням розвитку розумних міст.

Основними семіотичними складниками урбаністичного простору «розумних міст» можна назвати: ефективність, поінформованість, оперативність, стабільність, економічний і соціальний розвиток, залучення жителів. У літературних джерелах на тему міського планування розумні міста позиціонуються як фундамент «нового урбанізму», тобто прагнення зробити густозаселені міста більш ефективними середовищами. Даний концепт базується на твердженні про те, що інформація є ключем до ефективності, тому основний комунікативний напрямок взаємодії полягає саме у взаємообміні інформацій, та цифрових можливостях «розумних міст» до обробки такого інформаційного потоку [15].

В основних урбаністичних концептуалізаціях розумного міста цифрові інновації та інформаційні технології виступають основним чинником місь-

кого розвитку та управління. «Розумність» міст подається як наслідок не лише встановлених і запроваджених технологій, а й до певної міри того, як і хто їх використовує. Винятковість таких міст сприймається через логічну схему: якщо міста запровадять інформаційні технології й аналітику даних, їх успішність покращиться. Завдяки новітнім інформаційним трендам (великим даним, хмарним обчисленням та інтернету речей) генеральні плани розумних міст інтегрують інформацію про діяльність жителів, а самі міста постають у форматі холістичних обчислювальних систем, де всі спостережені взаємодії та контакти зафіксовано та поєднано у цілісну семіотичну систему.

Розумні міста як урбаністичні стратегії покращення всіх аспектів повсякденного життя у семіотичному контексті можна назвати технологізованим уповноважуванням міських жителів. Аргументи на підтримку розумних міст реалізуються лише за умови функціональних технологій. Дослідники зосереджуються, зокрема, на інтегруванні великих даних, інтернеті речей, інфраструктурі ІТ і хмарних обчислень та мобільних і соціальних медіа – стрижневих компонентах технологічного розвитку розумних міст.

Соціально-технологічні перспективи розумних міст впливають зі сприйняття нових медіа як революційного простору семіотичних взаємин, що замінює місцеву культуру цифровою. Семіотично привабливим видається спрощення та оптимізація складних взаємовідносин, та голослівна риторика про значне покращення завдяки штучному інтелекту. Дане поверхнєве уявлення ретранслює перспективи утопічних розумних міст.

Вагомою ознакою сучасної семіотики урбаністики розумного міста є те, що розумні міста не лише запроваджують нові технології, а й відкритіше чи публічніше користуються попередніми технологіями і даними. До прикладу, популярним є створення електронних міських порталів, де в цифровому форматі доступна значна кількість корисної інформації. Хостинг відкритих даних позитивно впливає на інноваційність і співпрацю. Надання інформації в режимі реального часу, таким чином, є ще однією ознакою трансформації семіотичних взаємин у просторі розумного міста.

«Великі дані», тобто масиви цифрової інформації, зібрані з багатьох джерел і накопичені для генерування знань стали основною передумовою трансформації семіотичних взаємин у просторі розумних міст. При цьому цифрові технології не здатні змінити пріоритети цифрової політики у сфері урбаністичної комунікації, вони здатні вплинути лише на збір, аналіз та відображення доступної для комунікації інформаційної бази.

Суттєву роль у трансформації семіотики простору розумного міста грає ще один фактор – індивідуалізація споживання та комунікації. Засадничий аспект міського життя, зневажений у дизайні і впровадженні смарт-технологій, – об'єднання людей за допомогою певного зовнішнього стимулу, який змушує незнайомих людей говорити одне з одним [16]. Усі рекламні матеріали, демонстраційні

простори та концептуальні бачення містопланувальників засвідчують протилежний підхід: цифрові кіоски призначено для індивідуального використання, доступ до даних та інформації відбувається через персональні смартфони, особисті монітори та приватні простори, а віртуальні стіни стають різноманітним споживчим товаром.

Цифрові технології підтримують та стимулюють міське населення – індивідуальних кінцевих споживачів із персоналізованими потребами, які можна вирішити за допомогою даних. Можна сказати, що програми на зразок цифрових табло, міських платформ і додатків функціонують за моделлю консьерж-сервісу й трактують громадян як споживачів або клієнтів, а не членів спільноти чи співтворців міста як території. Окремі технології, розроблені для міського простору, справді ніби покращують його організацію, підвищуючи безпечність, ефективність і стабільність, але поширення цих технологій не сприяє розгортанню семіотичного складника взаємин та не передбачає зворотного зв'язку і взаємодію міста з його жителями.

Командні розумні міста ілюструють конкретну роль повсюдної цифровізації, яка зменшує вплив і роль людей та спільнот у світі технологій, зводячи нанівещь їхні знання і досвід реального міського життя на протигагу цифровому. З колективних потреб і громадянської активності фокус зміщується на інфраструктуру, ефективність та автоматизацію «розумних» проектів. Як наслідок, такі проекти блокують розвиток комунікації, формування зв'язків і поживлення громадянської активності. У пріоритеті стають покращення навігації, оптимізація пересування, передача інформації і реклами.

Таким чином, трансформації семіотики в урбаністичному просторі зазнають негативних змін. У більшості прикладів технології сприяють контактам людей із комп'ютерами та цифровою інформацією, а не з іншими людьми чи створеною ними інформацією про місто як територію. Інформація про міську територію, передана за допомогою цифрових додатків, еквівалентна інформації, доступній з будь якого під'єданого до інтернету мобільного пристрою. Звісно, що така інформація корисна, але важливо те, що їй бракує міжособистісної взаємодії й контакту з містом як населеним простором.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Таким чином, розумні міста є середовищем розвитку комунікаційних технологій, а концепція розумного міста як інформаційно-комунікаційна технологія – принципово невід'ємним складником сучасних культурно-комунікативних стратегій. За кількома показниками нинішні міста вже зараз можна назвати «розумними». Міські середовища і популяції постійно адаптуються до мінливих умов, інкорпують новітні технології та невпинно розробляють нормативи й соціальні норми, які допомагають давати раду з проблемами на мікро- і макрорівні. Важливі вузли економіки знань і осередки інновацій міста приваблюють творчих і талановитих людей, тому можна сказати, що інформа-

ційно-комунікативні взаємодії є закодованими у самому поняття розумного міста як інноваційного явища.

Перспективами подальших досліджень є окреслення семіотичних ризиків та перспектив розбудови розумних міст та управління ними, а також аналіз їх конкурентних переваг з точки зору сучасної семіотичної урбаністики.

Список літератури

1. Anna Kordunsky. Owercoming the Sustainability Challenge: An Interview with GuruduthBanavar. *Journal of International Affairs*. #65, no. 2 (Spring/Summer 2012). P. 147-153.
2. Anthony M. Townsend. *Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia*. New York: W.W. Norton, 2013.
3. Dirks S. Vision of Smarter Cities: How Cities Can Lead the Way into a Prosperous and Sustainable Future / S. Dirks, M. Keeling. 2012. <https://www.ibm.com/downloads/cas/2JYLM4ZA>
4. Hollands R. Critical interventions into the corporate smart city. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2015. No 8. Pp. 61-77.
5. <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1461444809342764>
6. Lombardi P. The Challenge of Designing User-Centric e-Services: European Dimensions / P. Lombardi, I. Cooper, K. Paskaleva, M. Deakin. *Strategies for Local e-Government Adoption and Implementation: Comparative Studies*. Hershey: Idea Group Publishing, 2009. P. 460-477.
7. Michiel de Lange, Martijn de Waal. Owing the City: New media and citizen engagement in urban design. *First Monday*, 18(11). <https://doi.org/10.5210/fm.v18i11.4954>
8. Scott McQuire. Rethinking Media Events: Large Screens, Public Space Broadcasting and Beyond. *New Media and Society*, 12, no. 4 (2010). P. 567-582.
9. Toppeta D. The Smart City Vision: How Innovation and ICT Can Build Smart, in *Livable, Sustainable Cities* / D. Toppeta. The Innovation Knowledge Foundation, 2010. https://inta-aivn.org/images/cc/Urbanism/background%20documents/Toppeta_Report_005_2010.pdf
10. Vito Albino, Umberto Berardi, Rosa Maria Dangelico. Smart Cities: Definitions, Dimensiond, Performance, and Initiatives. *Journal of Urban Technology*. No. 1. (January 2015). P. 3-21.
11. Washburn D. Helping CIOs Understand «Smart City» Initiatives: Defining the Smart City, Its Drivers, and the Role of the CIO / D. Washburn, U. Sindhu, S. Balaouras et al. Cambridge, MA: Forrester Research Inc., 2010.
12. Water-Smart Cities. 2018. <https://www.nrdc.org/issues/water-smart-cities>
13. William H. Whyte. *The Social Life of Small Urban Spaces*. New York: Project for Public Spaces, 1980.
14. Жукович І. А. Smart-міста як новий об'єкт статистичних досліджень: визначення терміна. *Статистика України*. 2015. № 1. С. 18-22.
15. Кунанець Н. Е. Особливості формування цілей соціальних та соціо-комунікаційних складових у проектах «розумних міст» / Н. Е. Кунанець, Р. М. Небесний, О. В. Мацюк // *Вісник Національного університету «Львівська політехніка»*. Інформаційні системи та мережі. 2016. № 854. С. 257-274.
16. Шнепс-Шнеппе М. А. Как строить умный город / М. А. Шнепс-Шнеппе. *International Journal of Open Information Technologies*. 2016. Vol. 4. № 1. С. 12-20.

РОЛЬ НАРОДНО-СЦЕНІЧНОГО ТАНЦЮ В СИСТЕМІ ПРОФЕСІЙНОЇ ХОРЕОГРАФІЧНОЇ ПІДГОТОВКИ

Квецько А.Р.

*Львівський національний університет імені Івана Франка,
Калузька дитяча музична школа Івано-Франківської області,
викладач хореографії*

THE ROLE OF FOLK STAGE DANCE IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL CHOREOGRAPHIC TRAINING

Kvetsko A.

*Ivan Franko National University of Lviv,
Kalush children's music school of Ivano-Frankivsk region,
choreography teacher*

DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-7-9](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-7-9)

Анотація

В статті визначено роль народно-сценічного танцю в системі професійної хореографічної підготовки. Досліджено специфіку постановки народно-сценічного танцю як вплив на розвиток творчої особистості та тенденції розвитку професійної народної хореографії України початку XXI століття. Висвітлено творчі здобутки професійних хореографічних колективів України з народного танцю. Зроблено порівняння аматорському хореографічному мистецтву та професійному. Зосереджено увагу на ролі народно-сценічного танцю в системі професійної хореографічної підготовки.

Abstract

The article defines the role of folk stage dance in the system of professional choreographic training. The specifics of staging folk dance as an influence on the development of creative personality and trends in the development of professional folk choreography of Ukraine at the beginning of the XXI century are studied. The creative achievements of professional choreographic groups of Ukraine in folk dance are highlighted. A comparison is made between amateur choreographic art and professional. The focus is on the role of folk stage dance in the system of professional choreographic training.

Ключові слова: балетмейстер, народний танець, професійний танець, танець, хореографія.

Keywords: choreographer, folk dance, professional dance, dance, choreography.

Актуальність теми. При формуванні танцівника на заняттях з дисципліни «Народно-сценічний танець» лежить народне хореографічне мистецтво, яке структурно поєднується в тривалий педагогічний процес. Здобуваючи знання, опановуючи навичками і вміннями, одночасно формується світогляд, набуваються кращі погляди і риси характеру. Заняття з народно-сценічного танцю сприяють естетичному вихованню, надають позитивний вплив на фізичний розвиток, сприяють зростанню загальної культури, тому можна стверджувати, що народне хореографічне мистецтво має багату можливість широкого здійснення виховних завдань. Саме тому очевидна актуальність і затребуваність вибору даної теми. Специфіка розвивального впливу народного хореографічного мистецтва на особистість юнака ще недостатньо розкрита та висвітлена. Розвиток хореографії в підлітковому віці повністю висвітлюється в навчанні та власне хореографії. Однак роль народного сценічного танцю в системі професійної підготовки хореографів досі рідко вивчається. Окрім того, дослідження тенденції розвитку української професійної народної хореографії на початку XXI століття до кінця не вирішене.

Творчий потенціал особистості як танцюриста у майбутньому чітко відображається у художньо-естетичній діяльності, особливо позитивному розвитку народного сценічного танцю. Зміна освітньої парадигми вимагає переосмислення освітньої галузі творчої особистості через ефективні умови, найкращі методи та прийоми, що відповідають сучасній методології та теоретичним засадам через мистецтво та розвиток. Відомий українські митці К.Ю. Василенко, В.М. Верховинець, П.П. Вірський підкресливали виховний потенціал народного танцювального мистецтва.[1].

Народно-сценічний танець має значний вплив на гармонійний розвиток особистості, та одним із масових і дійових засобів виховання. Розвиток матеріальних і духовних цінностей в національній культурі кожного народу зорієнтовані на відтворення та передачу їх молоді. Саме такі цінності формують національний характер, виділяє етичну своєрідність українського народу, та є джерелом національної самосвідомості, світорозуміння.

Мистецтво народного танцю функціонує у професійній, аматорській та експериментальній формі, і його характеристики є відмінними. Аматорські народні танці зберігають традиції народних танців, тісно пов'язані з етнічними (місцевими) піснями та музичними інструментами, танцювальним етикетом та темами репертуарів, висвітлюють звичаї та традиції різних етнічних груп, зберігають

оригінальний колорит кожного твору та продемонструвати етнічні особливості.

На відміну від аматорського, професійне хореографічне виконавство пов'язане з трудовою діяльністю артистів, що володіють комплексом теоретичних знань і практичних навичок, набутих в результаті фахової підготовки й досвіду роботи.

Дослідження народних танцювальних творів та сценічної хореографії дозволяє зрозуміти творчий потенціал народного танцю, сильну волю та його різноманітність, що гарантує його виживання, вдосконалення та розвиток у різні історичні періоди. Культура, історія та соціально-економічні умови життя кожної нації вплинули на формування танцювальної культури. Народний танець демонструє високий ступінь духовності та творчого потенціалу, його ідентичність сприяє підвищенню нації та країни та художнього престижу. Невід'ємною частиною повсякденного життя людей є народний танець, який є окрасою звичаїв та обрядів [2].

За допомогою професійної хореографії для більш повного розкриття змісту народного танцю сьогодні використовуються сучасні методи розвитку. Дедалі більше використовуються елементи художньої майстерності, ускладнюється малюнок танцю, розвивається драматична структура танцю, розвиваються акторські здібності.

Виконавчі навички в основному залежать від виконання технічно складних рухів, які чітко відповідають образу мистецтва та танцю [4]. Основними виконавськими засобами народного сценічного танцю є танцювальні рухи та музика, а сучасна танцювальна лексика використовується у виконанні народного танцю.

Збір, вивчення та збереження національних традицій, звичаїв та обрядів українського народу є головною метою Національного заслуженого академічного ансамблю танцю України ім. П. Вірського, який базується на українських минулих та сучасних масштабних картинах, народних танцях та нових хореографічних мініатюрах і є зразком для всієї народної хореографії в Україні.

Павло Вірський здійснив постановки, які увійшли в більше п'яти концертів та розкрили всі традиції українського народно-сценічного танцю, в репертуарі яких є цікаві хореографічні композиції «Чумацькі радощі», «Ми з України», «Повзунець», «Ляльки», «Про що верба плаче», «Моряки», «Сестри», «Ой, під вишнею», «Подоланочка», «Гопак», «Запорожці», «Ми пам'ятаємо!» та інші. Його вважають реформатором українського народного танцю, який поєднав традиційний український та-

нець з класичним. На сьогодні жодному балетмейстеру не доводилось створити новий шедевр, який би перевершив танці П. Вірського.

Сьогодні Національний заслужений академічний ансамбль танцю України ім. П. Вірського не тільки пропагує українське професійне хореографічне мистецтво, але й активно працює над вдосконаленням свого виконавського та професійного рівня. Під керівництвом Мирослава Вантуха (народного артиста України, Героя України, професора, академіка, лауреата Національної премії України ім. Т. Шевченка) репертуар ансамблю поповнюється новими творами, які пропагують українське хореографічне мистецтво не тільки в Україні, а й по всьому світі.

Балетмейстери в своїй роботі завжди звертаються до шедеврів народного танцю, як до взірця високої виконавської майстерності, демонстрації нашої української хореографічної культури.

Одним з найвідоміших ансамблів України був заслужений ансамбль народного танцю України «Ятрань». Понад півстолітню історію й славні традиції має творчий танцювальний колектив з обласного центру міста Кропивницького. На сьогоднішній час він не існує. Його керівником був видатний хореограф, почесний громадянин міста Кіровограда, Народний артист України, який керував ансамблем у 1957–1986 роках.

Збираючи фольклор, А. Кривохижа часто подорожував Україною, вивчаючи історію, традиції та ритуали; складаючи репертуар оркестру, він намагається врахувати, що цікавить людей, що їм подобається та що вони цінують. Створюючи хореографічні твори, майстер шукав найбільш оптимізовану та ефективну версію твору, щоб найбільш точно відтворити народний дух, думки, естетику та багатство українського фольклору. Спочатку він вибирав різні танці, хороводи, а потім створював твори, сюїти та інші масштабні картини. Але мета цього пошуку унікальна – хореографія повинна бути схожою на українські народні танці чи обряди, тобто вона містить найціннішу частину українського фольклору. Пізніше, коли «Ятрань» досяг рі-

вня, який міг би представляти всю Україну, хореограф репертуар, де був фольклор з усіх регіонів України.

Найцікавіші хореографічні постановки А. М. Кривохижі – це «Василечки», «Гуцулка Мишенська кругова» «Танок-привітання», «Поворотня», «Ятранські весняні ігри», «Колядки», «Віночок Закарпаття», «Три діди», «Подільський рушничок», «Аркан», та ін.

Анатолій Кривохижа залишив у спадок свою працю «Гармонія танцю» [3], де він описує всі прийоми та методи постановочної роботи, виділяє аматорське хореографічне мистецтво та професійне.

Народна сценічна хореографія сформувала чітку систему, яка формувалася століттями. Сьогодні багато хореографів зберігають мистецтво національної хореографії, що знайшло своє відображення в хореографічних роботах майстрів народного сценічного танцю.

Для розвитку творчої діяльності молодих фахівців дуже важлива робота хореографа, а саме хореографа-викладача мистецтва. Адже хореографічні досягнення наших видатних діячів мають всевітнє визнання. Роботи досвідчених експертів слугують прикладом для початківців хореографів, поставлені на високий рівень, глибоко розуміють фольклор, життя та історію, гармонійно поєднують хореографію та одяг та чудово поєднують лексику з музичними матеріалами.

Список літератури

1. Бойко О. С. Народний танець: перспективні напрями дослідження. Вісник КНУКіМ. 2013. № 29. С. 18–22.
2. Верховинець В. Теорія українського народного танцю. К. : Музична Україна, 1990, 150 с.
3. Кривохижа А. Гармонія танцю. Методичний посібник для хореографічних дисциплін педагогічного навчального закладу. Кіровоград, 2003, 236 с.
4. Ткаченко Т. С. Народный танец. Москва: Искусство, 1967, 655 с.

ECONOMIC SCIENCES

FINANCIAL INCENTIVES TO DEVELOP THE GREEN INFRASTRUCTURE AND ENERGY

Petlenko Yu.,

*PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Finance,
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine*

Pohribna N.,

*PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Finance,
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine*

Chervinska T.,

*PhD in Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of Sociology,
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine*

Kapustian O.,

*Dr. Sci. (Physics & Mathematics), Senior Researcher,
Deputy Dean for Scientific and International Work,
Faculty of Computer Science and Cybernetics,
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine*

Pysmenna M.

*Doctor of Economics, Professor,
Dean of the Faculty of Management,
Flight academy of National Aviation University, Ukraine*

DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-10-12](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-10-12)

Abstract

The paper follows an examination of the financial incentives issue to develop the green infrastructure and energy in the world practice and in Ukraine under the conditions of growing interest in the environmentally sustainable development. The comprehensive financial and environmental issue is discussed within the following framework - examining the essence of financial incentives to develop the green infrastructure and energy, the particular incentives, their features and barriers for interaction with the involved parties. The article states that currently the green infrastructure and energy is becoming an integral component of achieving sustainable development aims in creating the eco-friendly economy, defining new environmentally sustainable directions and evidence for the participation of the financial system in environmentally responsible investments.

Keywords: financial incentives, green infrastructure, green energy, green investment, green bonds.

Introduction. Participation in financing to develop green infrastructure and energy provides a solution to a number of problems facing investors and financial institutions, namely an increase in reputation capital as a result of the enhanced public opinion in favour of environmentally sustainable development; reducing exposure to risks that are associated with the environment; increasing competitiveness as a result of gaining experience in financing green industries; increasing the profitability of financial transactions when using financial incentives to develop green infrastructure and energy.

Evidently, ensuring sustainable support for the green infrastructure and energy requires significant financial incentives. The financial costs of financing the green projects, as announced by international organizations, in such important areas as energy, transport infrastructure, construction, fresh water supply, etc., may amount to tens of trillions of dollars in the nearest future [1, p. 3; 2, p. 7]. At the same time, significant disruptions are evident between the financing needs of green infrastructure and energy and the existing opportunities to cover them. Initially, government programs have been the main and practically the only source of financing for those green initiatives [9], but the state,

although it retains its important role, cannot, due to the existing budgetary constraints, solve the problem of financing the green infrastructure and energy at its own. That is why the issue of attracting additional financial incentives to draw the private capital is especially acute.

Problem statement. The transition to a sustainable and low-carbon economy, green infrastructure and energy requires significant investment from both the public and private sectors.

In contrast, financial and economic instruments create incentives to reduce negative environmental impact, but they do not identify specific technologies for reducing the pollution. The choice of instruments is left to the entity – the contaminant. However, understanding the important fact that in cases where the costs of abatement are the same for all such entities, both the regulatory instruments and financial incentives may be the best policy choice [7].

The key purpose of creating financial incentives for green infrastructure and energy is to help businesses raise finance for sustainable production.

Analysis of recent research and publications. The notion of “financial incentives to develop the green infrastructure and energy” has different interpretations

(broader or narrower), which differ in individual countries and among individual researchers.

For the purposes of our research, we consider it appropriate to take as a basis a fairly broad definition of “green finance” given in the G20 Report, and consider the financial incentives to develop the green infrastructure and energy as a set of measures to promote investments that provide environmental benefits in the broader context of environmentally sustainable development. These environmental benefits include, *inter alia*, reduced air, water and soil pollution, reduced greenhouse gas emissions, more efficient use of existing natural resources, mitigation and adaptation to climate change, and co-benefits. In addition, such financial incentives promote for the expansion of accounting for environmental impact and the inclusion of environmental parameters in risk analysis in order to support environmentally friendly investments and contain environmentally hazardous investments [3, p. 5]. At the same time, we would like to notice that the financial incentives to develop the green infrastructure and energy both contributes to the improvement of the environment, which is important by itself, but also allows mobilizing more investment for the development of green industries, thereby improving the social climate by creating new jobs and increasing the growth potential of the global economy.

According to the document by WHO “Environmentally sustainable health systems: a strategic document”, the list of financial incentives is mentioned, namely: “A range of financial incentives have been used to encourage environmental sustainability in several sectors, including low-interest financing, tax incentives and seed funding to support innovation; their success depends critically on their structure and application” [2].

Another report by the UN “Critical Issues in Implementation of Environmental Policies UNECE Environmental Performance Review Programme” shows that in the 1990’s, following advice from the international community most of the countries of Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia (EECCA) and South East Europe (SEE), which conducted Environmental Performance Reviews, “introduced a range of economic instruments (pollution charges, taxes on natural resources, user charges for urban environmental services, etc.) to increase revenues to finance environmental protection expenses. In most cases, however, economic instruments were not conceived as incentives, but rather as instruments to finance general reforms and budget deficits. Lack of control over the use of economic instruments and transparency in their application, low collection rates and ineffectiveness of economic incentives as a means of building commitment to environmental protection have contributed to the fact that these instruments have generally been ineffective” [1].

Today, Ukraine lacks effective financial instruments that would stimulate the green infrastructure and energy, and the environmental modernization of Ukrainian enterprises in general. The environmental funds, that are created in many countries of the world have their intended use. Therefore, Ukraine needs to

create such an environmental fund as a separate legal entity, being not just a line item in the state budget. The Fund should be able to adopt various programs for all types of incentives, including the financial ones, and attract international finance.

In our opinion, the most effective mechanism for the development of the green infrastructure and energy is to attract finance from the decarbonization fund and cooperation with banks [6]. The appropriate amount of financing could be distributed according to certain criteria of the modernization program into the green infrastructure and energy through the lending system, covering the body of the loan or interest, being in practice one of the most effective and fastest mechanisms, according to the international experience.

However, straightforward and understandable financial incentives to work on the decarbonization of the economy using private funds, are needed. So far, Ukraine has the is the “green electrometallurgy” legislation [4] as a unique incentive, which exempts low-emission steelworks from additional payments to renewable energy producers. For enterprises whose CO₂ emissions meet the European targets of up to 250 kg CO₂ per ton of steel, a discount on electricity is to be provided, (approximately 5-7%) [8].

Ukraine already has successful examples of such environmental modernization that meets the requirements of the European Green Deal performed by private investors in Dnepropetrovsk, Zaporizzhia and Donetsk regions. There are five electric steel-making enterprises Interpipe Steel, Elektrostal, Energomashspetsstal, Dneprospepsstal and Azovelectrostal.

However, this regulation does not have an appropriate mechanism for its practical implementation in Ukraine. Therefore, even after the adoption of the relevant law of Ukraine “On Amendments to Certain Laws of Ukraine on Improving Conditions for Supporting Electricity Production from Alternative Energy Sources” [4], the incentive is not in action due to lack of developed necessary regulations by the Cabinet of Ministers of Ukraine.

The state can play an important role in financial stimulation for green infrastructure and energy in many ways. The first is the development of a socially responsible state policy that creates the necessary institutional and regulatory prerequisites for the promotion of financing the green projects. The second is direct budget financing (subsidies), tax incentives and other fiscal policy measures. Finally, the third is to support private financing of green infrastructure and energy via a system of guarantees, public-private partnerships, and the introduction of new market standards and instruments. The state, directly or indirectly via banks with state participation, can reduce both risks and costs for investors, encouraging them to participate in green infrastructure and energy projects.

A noteworthy instrument of financial incentives for green infrastructure and energy from the banking side is the securitization of loans - the issuance of green securities, including green bonds, secured by debt obligations [5]. Today in the world banking sector plays the

leading role in financing small and medium-sized businesses, that is why it is potentially relevant to induce the participation of small and medium-sized banks via the financial incentives to support the green infrastructure and energy financing through various green projects.

The idea of expanding the scope of financial incentives for green infrastructure and energy through the wider use of new financial technologies, in particular digital finance, has become widely discussed recently, including for mobilizing funds from small and medium investors and providing loans to small companies [6].

Justification of the social significance of projects on the green infrastructure and energy should be an incentive for the implementation of projects on alternative energy in order to save energy in the domestic economy. In Ukraine energy resources require serious injections of funds, specific and understandable mechanisms for financial stimulating for the development of renewable energy sources should be accelerated via subsidizing energy saving investment projects, tax incentives for business entities that successfully implement energy saving programs, regulation of energy tariff policy, development of penalties for inefficient use of energy resources.

Conclusions and discussion.

As a result, we can list a number of activities required to develop the green infrastructure and energy along with particular issues to be taken care of. Firstly, the development and support of specialized institutional investors, such as green development banks, environmental funds. Secondly, the measures of monetary and fiscal policy in the field of financial incentives for green infrastructure and energy - preferential green loans; bonds; IPO mechanisms, etc. Thirdly, development and strengthening of financial infrastructure for green infrastructure and energy requires low carbon economy development, rating system, green stock indices, global network of institutions. Fourthly, the development of a legal infrastructure to support green infrastructure and energy, namely regulating the insurance, liability of creditors, mandatory environmental disclosure requirement, etc.

References

1. Critical Issues in Implementation of Environmental Policies UNECE Environmental Performance Review Programme, October 2007 // UNITED NATIONS.

<https://unece.org/DAM/env/epr/publications/Critical%20issues%20implementation%20EPR.pdf>

2. Environmentally sustainable health systems: a strategic document (2017)// WHO Regional Office for Europe. https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/341239/ESHS_Revised_WHO_web.pdf

3. G20 Green Finance Synthesis Report. G20 GFSG. 15 July 2016. 35 p. <http://www.g20.utoronto.ca/2016/greenfinance-synthesis.pdf>

4. Law of Ukraine “On Amendments to Certain Laws of Ukraine on Improving Conditions for Supporting Electricity Production from Alternative Energy Sources” // Verkhovna Rada of Ukraine. from 21.07.2020 № 810-IX. http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T200810.html

5. Petlenko Yu., Pohribna N. Green bonds to finance the decarbonization projects / The scientific heritage. Vol. 4, No 70 (70). 2021. P. 3-6. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-70-4-3-6

6. Petlenko Yu.V., Pohribna N.V. Transformation of the financial system in the conditions of decarbonization of the economy // European scientific discussions. Proceedings of the 9th International scientific and practical conference. Potere della ragione Editore. Rome, Italy. 2021. Pp. 322-328. URL: <https://sciconf.com.ua/ix-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-european-scientific-discussions-18-20-iyulya-2021-goda-rim-italiya-arhiv/>

7. The Financial System We Need. Aligning the Financial System with Sustainable Development. Policy summary. UNEP Inquiry Report. UNEP. Geneva, Switzerland. October 2015. http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2015/11/The_Financial_System_We_Need_Policy_Summary_EN

8. Ukrainian enterprises lack incentives for modernization - Deputy Minister of Ecology // Agency for Industrial Policy. https://www.minprom.ua/news/268375.html?fbclid=IwAR2MMMS5E_zkkiTUcEm4lsFS6jQPXGtymY1VoQ8x41nQSHKD-M6ZDLFAx7c

9. Zhykhor O. Public Environmental Protection Project Management Practices in Ukraine / O. Zhykhor, O. Iafinovykh, N. Pohribna, N. Miedviedkova // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 1113. Pp. 405-416. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-37618-5>

СУТНІСТЬ СУЧАСНОЇ ЕКОНОМІЧНОЇ СТРАТЕГІЇ ТА ЇЇ МІСЦЕ У РОЗВИТКУ ПІДПРИЄМСТВА**Черній В.О.,**

*Аспірант Кафедра економіки, маркетингу та бізнес-адміністрування, Факультет управління і технологій, Інститут управління, технологій та права
Державний університет інфраструктури та технологій м. Київ, Україна
<https://orcid.org/0000-0002-0162-4507>*

Портний О.В.

*Аспірант Кафедра економіки, маркетингу та бізнес-адміністрування, Факультет управління і технологій, Інститут управління, технологій та права
Державний університет інфраструктури та технологій
м. Київ, Україна
<https://orcid.org/0000-0003-3237-3410>*

THE ESSENCE OF THE MODERN ECONOMIC STRATEGY AND ITS PLACE IN THE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE**Chernii V.,**

*Postgraduate student
Department of Economics, Marketing and Business Administration, Faculty of Management and Technology, Institute of Management, Technology and Law State University of Infrastructure and Technologies
Kyiv, Ukraine*

Portnyi O.

*Postgraduate student
Department of Economics, Marketing and Business Administration, Faculty of Management and Technology, Institute of Management, Technology and Law State University of Infrastructure and Technologies
Kyiv, Ukraine*

DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-13-16](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-13-16)**Анотація**

У статті висвітлено результати проведеного аналізу економічної стратегії та її впливу на розвиток підприємств в контексті реалізації концепції ціннісно-орієнтованого управління та створення нової вартості. Розглянуто теоретичні підвалини розвитку ціннісно-орієнтованого управління через проведення ретроспективного аналізу. Автором виділено основні напрями та види економічних стратегій розвитку підприємств. Стратегія, яку організація використовує для розширення бізнесу, залежить від її фінансового стану, існуючої конкуренції та будь-якого державного регулювання, що застосовується до цієї галузі. П'ять основних стратегій економічного зростання, які зазвичай використовують більшість підприємств та які є ключовими в системі реалізації концепції ціннісно-орієнтованого управління: проникнення на ринок, розвиток ринку, розширення продукції, придбання та диверсифікація. Управління економічним розвитком – це сукупність наукових питань, яка вивчалась багатьма дослідниками та впроваджувалася на практиці у всьому світі. Стратегічне планування є основою кожної організації, і тому має велике значення на практиці. Однак зміни, що відбуваються на світовому ринку, також впливають на зміни в організаціях, які повинні якомога швидше адаптуватися до нових умов, щоб процвітати на ринку. У роботі обґрунтовано цільність виділення та дотримання концепції сталого розвитку підприємства при розробленні програмних стратегічних документів. Аргументовано необхідність розширення концепції ціннісно-орієнтованого управління через зміну підходу до розуміння сутності цінності не лише як додаткового блага для акціонерів, а й для суспільства в цілому. Однією з ключових причин такої необхідності є управління бізнес-ризиками. Підприємства управляють ризиками стійкості та створювати довгострокову цінність, тим самим наголошуючи, що екологічні, соціальні та управлінські ризики все частіше вимагають уваги головних фінансових директорів.

Abstract

The article highlights the results of the analysis of economic strategy and its impact on enterprise development in the context of implementing the concept of value-oriented management and the creation of new value. The theoretical foundations of the development of value-oriented management through retrospective analysis are considered. The author highlights the main directions and types of economic strategies for enterprise development. The strategy that an organization uses to expand its business depends on its financial condition, existing competition, and any government regulation applicable to the industry. The five main economic growth strategies commonly used by most businesses and which are key to implementing a value-based management concept are: market penetration, market development, product expansion, acquisition and diversification. Economic development management is a set of scientific issues that has been studied by many researchers and implemented in practice around

the world. Strategic planning is the foundation of every organization, and therefore is of great importance in practice. However, changes in the global market also affect changes in organizations, which must adapt to new conditions as quickly as possible to thrive in the market. The expediency of allocation and observance of the concept of sustainable development of the enterprise at development of program strategic documents is substantiated in the work. The need to expand the concept of value-oriented management by changing the approach to understanding the essence of value not only as an additional benefit for shareholders, but also for society. One of the strongest reasons is based on business risk management. Enterprises can manage sustainability risks and create long-term value, making it clear that environmental, social and managerial risks increasingly require the attention of CFOs.

Ключові слова: економічна стратегія, розвиток підприємства, сталий розвиток, Цілі Сталого Розвитку, ціннісно-орієнтоване управління.

Keywords: economic strategy, enterprise development, sustainable development, Sustainable Development Goals, value-oriented management.

Вступ.

Поширення концепції вартісно-орієнтованого управління є відносно недавнім процесом. Лише з 1990-х років багато великих фірм звернулися до цієї управлінської техніки, метою якої є спрямування управління на головну мету -- створення вартості. Управління, засноване на вартості, не представляє нової техніки управління, конкретного методу чи нової системи контролю; скоріше, це психологічне ставлення до свідомого, систематичного, переважного застосування набору традиційних методів, спеціально спрямованих в цілому на максимізацію доходів акціонерів.

Початкова спроба пояснити поширення управління, заснованого на вартості, має емпіричний характер: така управлінська позиція виникає та поширюється під стимулом економічного зростання в умовах високої конкуренції та під тиском консалтингових фірм. З середини вісімдесятих років до 2000 року Сполучені Штати переживали період економічного зростання за темпами, вищими, ніж у інших основних промислових країнах, зокрема Німеччині та Японії, за винятком Китаю та Індії. Прихильники створення вартості бачили в зростанні США основний стимул, який зробив застосування управління, заснованого на вартості, неминучим, пропонуючи останній підхід як їх інтерпретацію.

З самого початку людської історії людство намагалося визначити і зрозуміти поняття цінності. Вчені, інтелектуали, науковці, філософи та теоретики також намагалися міркувати і зрозуміти термін "цінність", розуміючи, як предмети досягли своєї вартості. У цей час різні течії думок пропонували різні пояснення поняття цінності. Пояснення не завжди вказували в одному напрямку. Подібно, і поряд з розвитком концепції вартості, управління вартістю мало свою значну частку розвитку та загрози.

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Цінність була однією з головних проблем на самих ранніх етапах розвитку людського суспільства. Одним з перших філософів, який розробив теорію, пов'язану з терміном цінність, був Арістотель, який розумів, що цінність керується певними потребами, що створює основу обміну як однієї з найперших форм торгівлі. Теорія цінності Арістотеля не була дуже ґрунтовною чи стійкою, оскільки вона була частиною етики та філософії.

Більш детальний підхід до концепції вартості можна знайти в 17 столітті. Вільям Петті (1623-

1687) зосередився на пошуку природної цінності. Його теорія базується на припущенні, що ринкова ціна будь-яких товарів чи послуг постійно коливається навколо її природної вартості, яка базується на землі та праці як виробничих факторах. Теорія цінності Річарда Кантільйона (1680-1734) визначила модель Петті і дійшла висновку, що основні цінності будь-якого блага повинні бути зосереджені лише на землі.

Теорія цінності продовжувала розвиватися з часом у таких учених, як Ніколас Барбон (1640-1698), які асимілювали природну цінність товарів за їх ринковою ціною. Фердіنانдо Галіані (1728-1787) у своїй теорії вартості стверджував, що цінність визначає вартість.

Адам Сміт (1723-1790) опублікував свою новаторську працю «Багатство народів» у 1776 році. У цьому він прийняв теорію цінностей Петті, щоб зробити віднеї крок далі. Адам Сміт одним із перших визначив поняття об'єктивної, внутрішньої вартості як вартості, що міститься в товарах та послугах. Теорія Сміта була адаптована і розроблена наприкінці 18 – на початку 19 століття Девідом Рікардо та Карлом Марксом. Девід Рікардо (1772-1823) досліджував теорію Сміта і стверджував, що цінність залежить від часу, необхідного для виробництва робочої сили.

Управління економічним розвитком – це сукупність наукових питань, яка вивчалась багатьма дослідниками та впроваджувалася на практиці у всьому світі. Стратегічне планування є основою кожної організації, і тому має велике значення на практиці. Однак зміни, що відбуваються на світовому ринку, також впливають на зміни в організаціях, які повинні якомога швидше адаптуватися до нових умов, щоб процвітати на ринку. Одним із способів, яким вони можуть слідувати світовим тенденціям, є внесення змін до своїх бізнес-процесів.

Питання економічного зростання та розвитку підприємств висвітлено в роботах багатьох вітчизняних дослідників: Матвеев В.В. [1], Лапіна І.С., Лопатко К.М. [2], Побережний Р.О. [3], Шавшин О.С. [4] та інші.

Мета дослідження – проаналізувати економічну стратегію та її вплив на розвиток підприємств в контексті реалізації концепції ціннісно-орієнтованого управління та створення нової вартості.

Виклад основного матеріалу

Стратегія, яку організація використовує для розширення бізнесу, залежить від її фінансового

стану, існуючої конкуренції та будь-якого державного регулювання, що застосовується до цієї галузі. П'ять основних стратегій економічного зростання, які зазвичай використовують більшість підприємств та які є ключовими в системі реалізації концепції ціннісно-орієнтованого управління: проникнення на ринок, розвиток ринку, розширення продукції, придбання та диверсифікація, які були виділені U. C. Berkeley Haas School of Business [5]. Розглянемо детальніше кожен зі стратегій економічного зростання.

Проникнення на ринок

Це відмінна стратегія для використання, коли бізнес хоче продати свою існуючу продукцію на тому самому ринку, де він уже присутній. Мета – збільшити свою частку ринку за задалегідь визначеним вертикальним каналом. Частка ринку для цієї мети визначається як відсоток від валового продажу на ринку порівняно з іншими підприємствами на цьому ж ринку. Проникнення на ринок передбачає заглиблення в існуючу вертикаль, а не впровадження нових ринкових каналів.

Розвиток ринку

Розвиток стосується розширення продажу існуючої продукції на нових ринках. Конкуренція на сучасному ринку може бути такою жорсткою, що немає місця для зростання, не витрачаючи непомірно великі суми на рекламу. Можливо, буде набагато ефективніше освоювати нові ринки для збільшення прибутковості. Компанія може також розробляти нові способи використання своєї продукції. Наприклад, організація, яка продає медичне обладнання лікарням, може виявити, що медичні клініки також бажать того самого товару.

Розширення продукту

Якщо технологічні зміни та вдосконалення почнуть зменшувати існуючі продажі, компанія може розширити свою лінійку продуктів, створюючи нові продукти або додаючи додаткові функції до своїх існуючих продуктів. Бізнес продовжує продавати свою продукцію на тому ж ринку, і він використовує ті відносини, які організація вже встановила, продаючи оригінальні товари або вдосконалені товари своїм поточним клієнтам.

Придбання

Бізнес може придбати іншу компанію тієї ж галузі, щоб розширити продажі на цьому ринку. Покупець повинен чітко усвідомлювати переваги придбання бізнесу через додаткові інвестиції, необхідні для придбання та впровадження необхідних змін. З цієї причини стратегія придбання може бути дуже ризикованою. Однак це не настільки ризиковано, як стратегія диверсифікації, оскільки продукція та ринок вже встановлені компанією, яку вона купує.

Диверсифікація

Мета – продати нові товари на нові ринки. Дослідження ринку є важливим для успіху цієї стратегії, оскільки компанія повинна визначити потенційний попит на свої нові товари. Те, що організація успішно продає один вид товару на певний ринок, ще не означає, що буде вигідно продавати альтернативні товари на ринки, яких в даний час не існує.

Диверсифікація є навіть більш ризикованою, ніж придбання, через значні витрати на створення сучасних продуктів для невикористаних ринків.

Існують два широкі підходи до економічного розвитку, яких країни переслідували у 20 столітті: капіталізм та соціалізм [6]. У той час як капіталізм включає "невидиму руку" ринкової економічної лібералізації, соціалізм охоплює "видиму руку" втручання під керівництвом держави та планування економіки країни [7, с. 134]. Економічна лібералізація включає реалізацію державної політики, спрямованої на відкриття вітчизняної економіки для зовнішньої конкуренції, стабілізацію макроекономічних показників країни та приватизацію власності підприємств з метою стимулювання розвитку приватного сектору [8]. Така урядова політика називається проринговими реформами, політикою структурної перебудови або Вашингтонським консенсусом, оскільки їх підтримували МВФ і Світовий банк, обидва базуються у Вашингтоні, округ Колумбія [9]. Таку прокапіталістичну форму економічного розвитку дотримувались уряди країн, що формуються, з початку 1990-х років в надії надолганати економічно своїх передових аналогів на ринку, наприклад, США, Західній Європі чи Японії [10].

У міру розвитку економіки, підкріпленої ринковими реформами, маркетинг все більше стає основною діяльністю фірми. Ця централізація маркетингу базується на трьох особливостях економіки, яка приймає проринкові реформи: одна, що потреби споживачів є першорядними, і що фірма повинна розуміти потреби споживачів і відповідати на них; по-друге, що фірми все частіше працюватимуть у конкурентному середовищі, де конкуренти також будуть прагнути зрозуміти та задовольнити споживачів; і по-третє, споживачі матимуть вибір, вирішуючи, якій фірмі надавати покровительство. Відповідно, фірми опиняться під тиском, щоб відрізнитись від конкурентів, прагнучи завоювати лояльність клієнта. Отже, маркетинг представляє важливу здатність, яку компанії повинні розвивати та успішно застосовувати в умовах інституційного середовища, що розвивається. Насправді, стверджується, що маркетинг має ще більше значення для фірм, ніж НДДКР або оперативні можливості [11].

Розглядаючи сучасні економічні стратегії, що впливають на розвиток підприємств, необхідно виділити окремо стратегію сталого розвитку, яка є комплексною та охоплює фінансову, економічну, соціальну, екологічну та інституціональну сфери функціонування підприємства.

Оскільки проблеми сталого розвитку набувають все більшої уваги з боку інвесторів, регуляторів, активістів та засобів масової інформації, організації не можуть дозволити собі ігнорувати питання сталого розвитку. Компанії, які не вирішують ці проблеми, можуть потрапляти до зон ризику настання банкрутства та кризи.

Ризики сталого розвитку – це не лише питання, якими слід керувати. Вони також можуть підвищити ефективність роботи та допомогти створити та захистити бренд компанії.

Наприклад, управління екологічними ресурсами може допомогти уникнути перебоїв у бізнесі, так само як управління робочою силою допомагає уникнути перебоїв із виробництвом, або розуміння ланцюгів постачання компанії може допомогти зменшити ризик пошкодження іміджу торгової марки або бренду.

Крім того, ці заходи можуть мати позитивний вплив на діяльність компанії, її стратегію та фінансові результати. Наприклад, через створення для досліджуваного підприємства її власної стратегії сталого розвитку за допомогою інтеграції сталого розвитку у корпоративну та маркетингову стратегію, що реалізується через нефінансове звітування та інші види підзвітності підприємства.

Ресурси та можливості фірм можуть бути використані для підвищення операційної ефективності, або можуть бути розроблені динамічні можливості для вивчення нових можливостей для отримання додаткової вартості та цінності. Щоб використовувати свої можливості, фірми застосовують різноманітні стратегії, наприклад, портфельну стратегію (продаж, придбання, союз, розробка нового продукту), стратегію зростання (наприклад, консолідація, виведення, випуск нових продуктів, вихід на нові ринки), бізнес-стратегія (наприклад, спрямованість на витрати, диференціація або гібрид) та стратегія фінансування (наприклад, перепланування боргу, залучення власного капіталу).

Стратегії реалізуються через цілий ряд заходів з підвищення доходу та підвищення ефективності. Результати діяльності включають продажі, прибутки та досягнуту частку ринку.

Таким чином система ціннісно-орієнтованого управління та створення вартості на сучасному етапі сформована з огляду на концепцію сталого розвитку та досягнення Цілей Сталого Розвитку.

Висновки і перспективи подальших розвідок

Роль бізнесу в соціальному та економічному розвитку не можна переоцінити. Бізнес відіграє життєво важливу роль у економічному розвитку та багатстві країни. Успіх у бізнесі означає економічний добробут компанії та суспільства, шляхом створення робочих місць та покращення якості життя громадян країни. Успіх бізнесу в цілому безпосередньо впливає на світову економіку. По суті, бізнес покликаний задовольнити певні потреби людей та надати товари та послуги, що пов'язані з цією потребою. Коли довіра споживачів або довіра падають у бізнесі, це позначається не лише на продажах. Ця недовіра має ефект пульсацій та може призвести до спаду загальної економіки країни, послаблення міцності її валюти та купівельної спроможності. Оскільки підприємства більше схильні до надання вартості акціонерам, а не безпосередньо споживачам, їх інтереси та тактика можуть не узгоджуватися з найкращими інтересами споживача. Тому концепція ціннісно-орієнтованого управління потребує подальшого поглиблення та більш широкого розуміння її впливу не лише на

створення додаткових вигод для акціонерів (власників), а також на підвищення загальносуспільних благ.

Список літератури

1. Business Growth Strategies for a Global Economy (2021). Official website. URL: <https://www.pcg-services.com/business-growth-strategies-global-economy/> (дата звернення: 06.07.2021)
2. Cuervo-Cazurra, A. & Dau, L. (2009). Promarket reforms and firm profitability in developing countries. *Academy of Management Journal*, 52(6), 1348-1368.
3. Henisz, W., Zelner, B., & Guillen, M. (2005). The worldwide diffusion of market-oriented reform, 1977-1999. *American Sociological Review*, 70, 871-897.
4. Inoguchi, T. & Newman, K. (1998). *Changing Nature of Democracy*. United Nations University Press
5. Kornai, J. (2000). What the change of system from socialism to communism does and does not mean. *Journal of Economic Perspectives*, 14(1), 27-42.
6. Krasnikov, A. & Jayachandran, S. (2008). The relative impact of marketing, research and development, and operations capabilities on firm performance. *Journal of Marketing*, 72, 1-11.
7. Rapley, J. (1996). *Understanding Development: Theory and Practice in the Third World*. London: Routledge.
8. Лапіна І.С., Лопатко К.М. (2017). Фінансова стратегія: економічна сутність та місце в системі управління підприємством. *Економічний форум*. URL: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/ecfor_2017_2_35.pdf (дата звернення: 06.07.2021)
9. Матвеев В.В. (2015). Сутність стратегічного управління конкурентним потенціалом підприємства. *Молодий вчений*. URL: [http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/molv_2015_2\(2\)_45.pdf](http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/molv_2015_2(2)_45.pdf) (дата звернення: 06.07.2021)
10. Побережний Р.О. (2010). Сутність стратегічного управління розвитком підприємства в сучасних умовах. URL: http://repository.kpi.kharkov.ua/bitstream/KhPI-Press/29238/1/vestnik_KhPI_2010_62_Poberezhnyi_Sutnist.pdf (дата звернення: 06.07.2021)
11. Шавшин О.С. (2017). Стратегія інноваційного розвитку підприємства. *Міжнародний науковий журнал Інтернаука*. URL: [http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/mnj_2017_3\(2\)_37.pdf](http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/mnj_2017_3(2)_37.pdf) (дата звернення: 06.07.2021)

ОПТИМИЗАЦИЯ БАНКОВСКИХ ПРОДУКТОВ И УСЛУГ

Стоян М.В.

*старший преподаватель кафедры экономики и финансов,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»*

OPTIMIZATION OF BANKING PRODUCTS AND SERVICES

Stoyan M.

*senior lecturer of the Department of Economics and Finance,
Federal state budgetary educational institution of higher education "Ryazan state University named After
S.A. Yesenin"*

DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-17-23](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-17-23)**Аннотация**

Банки являются одним из центральных звеньев рыночных структур, потому развитие их деятельности - необходимое условие функционирования современной экономики. Банковские продукты и услуги представляют собой банковские операции по обслуживанию клиента, которые удовлетворяют его определенные потребности. Эффективная гибкая система банковских операций с широкой клиентурой может и должна способствовать мобилизации внутренних сбережений.

Abstract

Banks are one of the central links of market structures, therefore the development of their activities is a necessary condition for the functioning of a modern economy. Banking products and services are banking customer service operations that meet their specific needs. An effective flexible banking system with a wide clientele can and should help to mobilize domestic savings.

Ключевые слова: банк, банковские услуги, банковские продукты, диверсификация, кредит, портфель, кредитный портфель, ссуда.

Keywords: bank, banking services, banking products, diversification, credit, portfolio, loan portfolio, loan.

Эффективная деятельность предприятий и хозяйственных организаций стабильные темпы их работы и конкурентоспособность в современных экономических условиях в значительной степени определяются финансовой политикой государства в целом, и банковской системы в частности.

Банки являются одним из центральных звеньев рыночных структур, потому развитие их деятельности - необходимое условие функционирования современной экономики.

Основными доходобразующими операциями банка являются ссуды юридическим и физическим лицам; депозитные операции составляют основной объем привлеченных средств и служат стабильным источником формирования ресурсной базы.

Меры оптимизации кредитного портфеля должны быть, прежде всего, направлены на снижение риска по нему.

Рассмотрим используемые, а также не используемые в Рязанском ОСБ методы снижения риска кредитного портфеля:

1) Оценка кредитоспособности. Кредитные работники обычно отдадут предпочтение именно этому методу, поскольку он позволяет предотвратить практически полностью все возможные потери, связанные с невозвращением кредита. К определению кредитоспособности заемщика существует множество различных подходов. Однако в последнее время в практике банков все большее распространение получает метод, основанный на балльной оценке ссудополучателя. Этот метод предполагает разработку специальных шкал для

определения рейтинга клиента. Гораздо чаще необходимо осуществлять так называемый экспресс-анализ (финансовый анализ), с помощью которого банку становится известно текущее финансовое состояние клиента.

Приведем некоторые методики анализа кредитоспособности:

А) Методика расчета кредитоспособности через определение рейтинга заемщика, применяемая во Франции и Германии - «скоринг-формуляр».

«Скоринг-формуляр» немецкого банка состоит из 12 показателей, по каждому из которых клиенту начисляется большее или меньшее число баллов. Чем больше баллов в итоге наберет клиент, тем выше оценивается его кредитоспособность.

Максимальный балл таблицы-20. Первые 5 показателей относятся к финансовым возможностям клиентов.

Решение банк принимает следующим образом. При набранной заявителем сумме в 81 балл, сотрудник банка принимает положительное решение самостоятельно, при результате от 61 до 80 баллов требуется разрешение вышестоящего лица. При рейтинге ниже 60 баллов в выдаче ссуды клиенту отказывают.

В) Методика анализа кредитоспособности, применяемая в США.

Методика была разработана в начале 40-х годов Д. Дюраном. Он выделил следующие коэффициенты при наличии баллов:

1. Возраст: 0,1 балла за каждый год свыше 20 лет (максимум 0,3);

Пол: женщина-0,4 балла; мужчина-0 баллов;
2. Срок проживания: 0,042 балла за каждый год проживания в данной местности (максимум 0,42 балла);

4. Профессия: 0,55 балла за профессию с низким риском; 0-за профессию с высоким риском и 0,16-для других профессий;

5. Работа в отрасли: 0,21 балла - предприятия общественного пользования, государственные учреждения, банки и брокерские фирмы;

6. Занятость: 0,059 балла за каждый год работы на данном предприятии (максимум 0,59 балла);

7-9. Финансовые показатели: 0,45 балла за наличие банковского счета; 0,35 - за владение недвижимостью; 0,19 - при наличии полиса страхования жизни.

Исходя из выше перечисленных коэффициентов, Д. Дюран определил границу выдачи ссуды заемщику, которая составляет 1,25 балла, считается кредитоспособным; набравшим менее 1,25 балла - неплатежеспособным клиентом банка.

Американские банки сегодня разрабатывают различные подходы для анализа кредитоспособности индивидуальных заемщиков. Причем каждый банк разрабатывает собственную систему оценки кредитоспособности заемщика исходя из конкретных условий сделки, приоритетов в работе банка, его специализации [32].

2) Уменьшение размеров выдаваемых кредитов одному заемщику. Этот способ применяется, когда банк не полностью уверен в достаточной кредитоспособности клиента. Уменьшенный размер кредита позволяет сократить величину потерь в случае его невозврата. В то же время из-за излишней перестрахованности уменьшения размера кредитов ведет к тому, что банк не дополучает деньги. Поэтому в Рязанском ОСБ стремятся устанавливать адекватные лимиты и осуществлять постоянный контроль над их соблюдением.

3) Страхование кредитов. В основе банковского страхования лежат обязательства по страховому покрытию банков, известные в мире как Bankers Blanket Bond (B.B.B.), первоначально разработанные Американской ассоциацией гарантов для американских банков. Впоследствии банковское страхование было адаптировано с учетом местного законодательства (и этот процесс продолжается) для использования во многих странах, и в настоящее время оно получило широкое распространение в мире. Страховщиками, занимающими лидирующее положение в этом особом виде страхования, являются андеррайтеры Ллойда в Лондоне.

В Рязанском отделении применяется страхование залога. Залог страхуется в страховых компаниях, аккредитованных банком.

4) Одним из способов управления кредитным риском является получение обеспечения в форме залога недвижимости, активов и ценных бумаг, или иного обеспечения, в том числе гарантий и поручительств юридических и физических лиц, а также осуществление мониторинга такого обеспечения.

Такой метод практически полностью гарантирует банку возврат выданной суммы и получение процентов. При этом важным моментом является тот факт, что размер обеспечения ссуды должен покрывать не только сумму выданного кредита, но и сумму процентов по нему.

Несмотря на то, что обеспечение является важным фактором понижения кредитного риска, политикой банка установлено, что возможность погашения кредита заемщиком является более приоритетной, чем реализация обеспечения. В определенных случаях, в зависимости от финансового положения клиента и вида кредитного продукта, операция может быть необеспеченной.

5) Выдача дисконтных ссуд. Дисконтная ссуда - ссуда, номинальная величина которой меньше той величины, которая фактически передается в распоряжение кредитополучателя банком в момент выдачи ссуды.

Разница между номинальной величиной ссуды и суммой, передаваемой заемщику, удерживается с заемщика также в момент выдачи ссуды и представляет собой форму ссудного процента (дисконта). Дисконтные ссуды имеют другой механизм взимания процента как платы.

Пример. В случае обычной ссуды 100 тыс. р. Под 20% заемщик получает 100 тыс. р., а возвращает 120 тыс. р. При дисконтном проценте (20%) заемщик получает 80 тыс. р. (100-20) и выплатит 100 тыс. р., то есть процент за кредит.

Дисконтные ссуды лишь в небольшой степени позволяют снизить кредитный риск. Такой способ предоставления кредитов гарантирует как минимум получение платы за кредит, а вопрос о ее возврате остается открытым, если не используются другие методы защиты от кредитного риска.

6) Система постоянного мониторинга позволяет анализировать эффективность используемых мероприятий по изменению степени риска и накапливать необходимый опыт для последующих принятых решений при анализе, оценке риска и способов управления. Кредитные эксперты проводят постоянный мониторинг состояния отдельных кредитов и на регулярной основе производят переоценку платежеспособности своих клиентов. Процедуры переоценки основываются на анализе последней финансовой отчетности клиента или иной информации, предоставленной самим клиентом или полученной другим способом. На основе данной информации внутренний кредитный рейтинг заемщика может быть пересмотрен. Текущая рыночная стоимость обеспечения также на регулярной основе оценивается независимыми фирмами профессиональных оценщиков или специалистами. В случае уменьшения рыночной стоимости обеспечения заемщику обычно выставляется требование о предоставлении дополнительного обеспечения.

7) Для минимизации риска необходимо установить четкую иерархию служащих в банке, которые в зависимости от суммы кредита принимают решение о его предоставлении.

В Рязанском ОСБ №8606 политики и процедуры в области управления рисков регулярно пересматриваются, что позволяет их оперативно корректировать с учетом условий рынка и особенностей предлагаемых Банком продуктов и услуг. При помощи внутренних программ обучения и стандартов управления Банк стремится сформировать атмосферу дисциплины и эффективного контроля, при которой все сотрудники хорошо понимают свою роль и обязанности.

8) Также важно учитывать динамику процентных ставок, которые при увеличении степени риска увеличиваются и наоборот, т.е. чем стабильнее заемщик, тем ниже процентные ставки; долгосрочные меняются более плавно (с учетом временного сглаживания), чем краткосрочные; ставки по кредитам с обеспечением и краткосрочным операциям ниже, чем ставки без обеспечения и по краткосрочным операциям.

9) Диверсификация риска, представляет собой его рассредоточение. Она может проявляться в различных видах:

а) предоставление кредитов более мелкими суммами большему количеству клиентов при сохранении общего объема кредитования;

б) предоставление кредитов на консорциональной основе, когда для выдачи большой суммы кредита объединяются несколько банков, образуя консорциум. Этот способ минимизации подходит для банков, которые кредитуют крупный бизнес.

в) привлечение депозитных вкладов, ценных бумаг более мелкими.

Коммерческие банки, в условиях конкурентной борьбы на рынке кредитных ресурсов должны постоянно заботиться как о количественном, так и о качественном улучшении своих депозитов. Они используют для этого разные методы (процентную ставку, различные услуги и льготы вкладчикам).

Порядок ведения депозитных операций регламентируется внутренними документами банка. При этом все банки соблюдают несколько основополагающих принципов организации депозитных операций. Они заключаются в следующем:

- депозитные операции должны содействовать получению прибыли или создавать условия для получения прибыли в будущем;

- депозитные операции должны быть разнообразны и вестись с различными субъектами;

- особое внимание в процессе организации депозитных организаций депозитных операций следует уделять срочным вкладам;

- должна обеспечиваться взаимосвязь и согласованность между депозитными операциями и кредитными операциями по срокам и суммам депозитов и кредитных вложений;

- организуя депозитные и кредитные операции, банк должен стремиться к минимизации своих свободных ресурсов; - банку следует принимать меры к развитию банковских услуг, способствующих привлечению депозитов.

Предлагается ввести новый вид вклада вклад с премиальными ставками сроком до трех и более лет. Их особенностью является то, что, если клиент

не воспользуется правом досрочного изъятия вклада, возможность которого предусмотрена в условиях договора по окончании срока производится пересчет процентов, исходя из повышенных премиальных ставок. Этот вид вклада должен способствовать компенсации дефицита долгосрочных ресурсов банка [45].

Посетив офис Сбербанка, клиент сталкивается с проблемой выбора вида вклада, многим клиентам для выбора вида вклада необходимо какое-то время. Однако, запомнить или переписать условия и процентные ставки по всем видам вкладов для дальнейшего выбора невозможно, поэтому, предлагается, чтобы в филиалах Сбербанка всегда были рекламные листки с наименованием всех видов вкладов и краткие условия по ним. Данные рекламные листки должны быть небольшого размера, чтобы клиент мог взять их домой для дальнейшего выбора вклада. Более того, такой способ рекламы будет способствовать привлечению новых клиентов, так как рекламный листок может быть показан в кругу родственников, соседей и на работе.

По маркетинговым исследованиям, проводимым маркетинговой службой Сбербанка 35,6% представителей среднего класса заинтересованы в ипотечном кредитовании банка. Вопрос о доступном жилье уже несколько лет остро волнует граждан России, но остается не решенным, по сей день.

Для формирования оптимальной модели ипотечного кредитования, рассмотрим сначала программу ипотеки Сбербанка России (Приложение 9).

В этой программе есть как положительные, так и отрицательные стороны.

Положительные:

- может быть отсрочка в погашении основного долга на период строительства до 2 лет.

- кредит на 90% стоимости

- залогом может выступать строящееся по долевому участию жилье.

Отрицательные стороны:

- кредит выдается безналично, затем переводится на счет застройщика;

- кредит выдается только в случае заключения (предварительно) Банком договора с застройщиком о сотрудничестве, т.е. не у всех застройщиков - выдается по месту нахождения объекта недвижимости

- первоначальный взнос, от 30% стоимости объекта недвижимости - высокая процентная ставка.

Существует еще одна особенность, в Сбербанке есть ограничение по возрасту. Лицам предпенсионного возраста кредит либо не дают, либо дают значительно меньше, чем если бы заемщику до пенсии было далеко. Рассмотрим эту ситуацию на примере. Допустим, заемщик зарабатывает \$1000. Заемщик - мужчина. Возраст 60 лет. Пенсионный возраст у мужчин наступает, как известно в 65 лет. Если бы до пенсии было далеко, то заемщик мог бы получить кредит \$53500. Банк, рассчитывает размер кредита, который может дать, исходит

из того, что в ближайшие пять лет зарплата заемщика будет как и сейчас, а через пять лет зарплата будет равна пенсии. Кредит дается на 15 лет, не трудно посчитать, что 5 лет до пенсии, дадут лишь $\$53500/3=\17833 (Расчет сделан приблизительно, т.е. исключили те доходы заемщика, которые будут после выхода заемщика на пенсию).

На самом деле, их тоже надо учитывать, но картина изменится не существенно: кредит будет примерно \$18000).

Предлагаем ввести новую программу ипотечного кредитования, основанную на немецких стройсбербанках.

Суть немецкой системы обеспечения дешевых долгосрочных ресурсов для ипотечного кредитования заключается в создании замкнутого ипотечного финансового рынка. Он формируется вокруг специализированных сберегательно-ипотечных кредитных учреждений строительно-сберегательных касс (bausparkasse).

Кассы имеют возможность выдавать кредиты по ставкам ниже рыночных, поскольку сами привлекают средства по ставкам ниже рыночных. Дело в том, что вкладчиками и заемщиками строительно-сберегательных касс являются одни и те же люди - члены кассы. Низкая доходность депозита - своего рода плата за право получить ипотечные кредиты по низкой ставке.

Взаимодействие с кассой делится на два периода-период накопления и период кредитования. Сначала вкладчик-член кассы заключает контракт (отсюда название контрактная сберегательная система), согласно которому берет на себя обязательно вносить в течение определенного времени деньги на депозит и хранить их, получая доход по оговоренной низкой ставке. Сумму ежемесячных выплат и срок накопления он выбирает сообразно своим возможностям и потребностям. Касса в свою очередь берет на себя обязательство предоставить ему по окончании периода накопления ипотечный кредит по низкой ставке. В Германии bausparkasse уже много лет стабильно привлекают средства под 3 % годовых и выдают ипотечные кредиты по ставке 5% при колебании рыночных ставок на такие кредиты, выдаваемые обычными банками, от 7 до 12% годовых.

Период кредитования начинается, когда член кассы накапливает приблизительно половину той суммы, что нужна на покупку жилья. Затем он получает накопленное и еще столько же в качестве кредита. На все эти средства член кассы покупает квартиру, оформляет ее в залог и начинает выплачивать кредит. Из-за невысокой ставки процента суммы ежемесячных выплат по кредиту оказываются приблизительно такими же, какими были его ежемесячные накопительные взносы.

Условия контракта основаны на расчете, призванном обеспечить соответствие пассивов и активов кассы по суммам и срокам. Поэтому в контракт вводится понятие минимального срока накоплений (в разных bausparkasse он составляет от полугода до двух лет) и условие, что накопления должны достичь размера, соответствующего так называемому

оценочному числу. Последнее зависит от равномерности внесения накоплений.

В России внедрение в чистом виде немецкой модели ипотечного кредитования невозможно из-за высокой инфляции и необходимости бюджетных расходов на увеличение накоплений граждан. Низкие проценты по накопительным ипотечным вкладам на Западе компенсируются дотациями из госбюджета. В России такие дотации пытались прописать в законопроекте «О строительных сберегательных кассах», но в марте 2018 года рассмотрение законопроекта было отложено на неопределенный срок.

Новый ипотечный продукт банка должен выглядеть так. Потенциальный заемщик в течение двух или более лет накапливает на специализированном вкладе не менее 30% стоимости жилья. По накоплению необходимой суммы банк выдает ему кредит на ту же сумму по ставке примерно на 20% ниже рыночной (скидка дается за счет пониженной доходности ипотечного вклада). На оставшуюся часть стоимости жилья (40%) заемщик получает обычный ипотечный кредит уже по рыночной ставке.

Рассчитаем экономическую прибыль банка при выдаче одного ипотечного кредита:

- стоимость квартиры составляет примерно 2100000 рублей

- ставка по депозиту – 9% годовых;
- ставка по кредиту (1) -11 % годовых;
- ставка по кредиту (2) -14% годовых;
- срок ипотечной программы -9 лет;
- срок каждого периода -3 года;
- сумма каждого периода -700000 рублей;
- ежемесячные вклады по депозиту - 17695

рублей;

- ежемесячные выплаты по кредиту (1) – 21583 рублей;

- ежемесячные выплаты по кредиту (2) – 22167 рублей;

Прибыль банка – (Доход по кредиту (1)+Доход по кредиту (2))-расходы по депозиту:

$$\text{Ежемесячный } \frac{\text{доход}}{\text{расход}} = \frac{\text{Сумма кредита/депозита} \times 31 \times \% \text{ ставка}}{365}$$

Ежемесячная прибыль банка = (6540+8324)-5350=9514

За 9 лет - 1 027 512 рублей

Смешанная модель ипотечного кредитования делает стоимость ипотеки наиболее доступной для большинства потенциальных заемщиков. Банк в то же время получает хорошую прибыль, формируя при этом для себя дополнительные долгосрочные ресурсы.

Маркетологами СБ РФ, при проведении мероприятий по оценке степени привлекательности новых банковских продуктов и услуг, было установлено:

- самая высокая степень привлекательности принадлежит новым программам ипотечного кредитования;

- высокая степень привлекательности – трастовым операциям;
- средняя степень привлекательности - выдачи поручительстве гарантий;
- ниже среднего степень привлекательности - консультационным услугам. Так как в Рязанском ОСБ № 8606 услуги по показанию трастовых операций отсутствуют, предлагаем открыть траст-отдел.

Трастовые операции - управление имуществом или иные услуги по поручению и в интересах клиента на правах его доверенного лица.

Сущность доверительных операций заключается в передаче клиентами банкам своего имущества (без передачи права собственности) для последующего инвестирования этих средств от имени их владельцев и по их поручению на различных рынках с целью получения прибыли, с которой банки взимают определенную плату в виде комиссии.

Возникновение в мировой банковской практике трастовых операций как разновидности комисионно-посреднических услуг, оказываемых коммерческими банками своим клиентам, и их быстрое развитие вызвано целым рядом объективных причин, а именно:

- это проблема банковской ликвидности и снижения доходности традиционных видов ссудных банковских операций, а также стремлении банков обеспечить выполнение одной из ключевых задач повышение доходности операций при сохранении благоприятного уровня ликвидности;
- растущая заинтересованность банковской клиентуры (как юридических, так и физических лиц) в получении более широкого набора услуг от банка;
- обострение конкуренции на рынке ссудных капиталов, борьба банков за привлечение клиентов и изобретение с этой целью все новых услуг;
- при трастовых операциях возникают большие возможности для привлечения средств, а следовательно расширяются источники доходов;
- трастовые операции обуславливают дополнительное расширение корреспондентских отношений банка, способствуют улучшению его положения на межбанковском рынке и повышению репутации и имиджа.

Заинтересованность клиента в передаче трастовой компании или банку отдельных функций по управлению его имуществом объясняется возможностями использования практического опыта и профессионализма сотрудников организации – доверенного лица, специализирующихся на оказании такого рода услуг. Доверенное лицо стремится действовать с наибольшей выгодой для клиента, постоянно расширяя сферу деятельности доверителя.

В настоящее время к объектам траста можно отнести денежные средства, ценные бумаги, паи, уставный капитал фирмы, землю, недвижимость, имущественные комплексы (предприятия и прочее), а также нематериальные активы.

По характеру распоряжения доверяемой собственностью трасты делятся на активные и пассивные. Собственность, находящаяся в активном трасте, может продаваться в долг, закладываться, т.е. видоизменяться без дополнительного согласия доверителя. Подобные активные операции характерны для банка. Пассивные трасты представляют собой услуги по управлению определенным имуществом, которое не может быть продано или заложено доверенным лицом. Подобные операции оказываются в основном трастовыми фирмами, специализирующимися на управлении каким-либо видом собственности клиентов.

В деятельности банков по трастовым операциям принято разделять:

- доверительные операции для физических лиц;
- доверительные операции для юридических лиц;

Для физических лиц доверительные операции обычно включают такие услуги, как распоряжение наследством (завещательный траст), передача доверителю имущества и управление имуществом (прижизненный траст), управление имуществом по доверенности в порядке осуществления опекунских функций над несовершеннолетними, недееспособными лицами. Выполнение функций депозитария и консультации по вопросам оценки, покупки или продаже ценных бумаг, недвижимости.

Для юридических лиц трастовые услуги включают: управление на основе договора-поручения имуществом (обычно недвижимым); управление денежными средствами и ценными бумагами; управление целевыми фондами; агентские услуги – хранение активов; представительство интересов доверителя, в том числе на собрании акционеров; инкассация обязательств и доходов; распоряжение доходом и инвестированием; купля-продажа активов; расходование средств по подписанию; привлечение и погашение займов; выпуск и первичное размещение ценных бумаг; предоставление имущества и денежных средств в ссуду; страхование активов; реорганизация и ликвидация юридического лица; выплата налогов и других фиксированных платежей.

Весь процесс сотрудничества банка и клиента в связи с управлением портфелем инвестиций последнего можно условно разбить на шесть этапов.

Первый этап. Появление клиента в банке и проведение банковским работником беседы с ним относительно его финансового положения, доходов и сбережений на данный момент. На основании полученных данных проводится анализ платежеспособности клиента.

Второй этап. Банковский работник определяет примерный период времени, в течение которого банк будет иметь возможность распоряжаться средствами клиента (выясняется размер фактически получаемого клиентом постоянного заработка, возраст, время ухода на пенсию и т.п.) Особое внимание банковский работник обращает на то, чтобы рост денежных средств клиента компенсировал темпы развития инфляции.

Третий этап. Работник удостоверяется в законном происхождении денег клиента с целью недопущения отмывания денег, полученных нелегальным путем. Так, многие банки прибегают к практике проверки источников денежных доходов клиентов, для чего обращаются в специализированные фирмы, располагающие необходимой информацией.

Четвертый этап. Работник банка проверяет документы своего клиента, чтобы удостовериться в том, что лицо, на чье имя открывается счет, реально существует и само открывает счет. При этом клиент подписывает специальный документ подтверждающий факт того, что именно он является реальным владельцем денежных средств, помещаемых на счет в банке.

Пятый этап. Клиент знакомится с условиями сотрудничества с банком и подписывает их.

При заключении соглашения о трасте доверителю (независимо от того, является ли он физическим или юридическим лицом - резидентом или нерезидентом) предлагается аналитическая информация о состоянии финансового рынка, содержащая помимо словесного описания и графические иллюстрации.

По условиям соглашения о доверительном управлении денежными средствами, заключаемого банком с юридическим (или физическим) лицом, потенциальному инвестору предлагается осуществить на основе собственных предпочтений в один или несколько сегментов финансового рынка:

- государственные ценные бумаги;
- ценные бумаги банка - доверительного управляющего;
- ссудный капитал: коммерческие кредиты юридическим лицам - резидентам РФ, межбанковские кредиты (депозиты) российских и иностранных банков;
- вторичный фондовый рынок: корпоративные ценные бумаги российских промышленных предприятий, фондов, объединений, банков.

На основании соглашения о трастовом размещении денежных средств в управлении ими сотрудники банка формируют «Портфель вложений» путем выполнения инструкции доверителями инвестирования средств в сегменты финансового рынка, предусмотренные условиями соглашения, а также наиболее перспективные области, выделенные в результате анализа экономической ситуации и прогноза динамики ее развития. При этом в период осуществления соглашения доверитель получает от банка полную информацию о ходе реализации заключенного соглашения посредством ежемесячных отчетов.

Вознаграждение, получаемое банком за управление средствами доверителя, напрямую зависит от результатов проведения финансовых операций: по условиям трастового соглашения его величина устанавливается как процент от величины полученного дохода.

Оплата трастовых услуг российских банков обычно составляет около 1% суммы вклада, при размещении средств в валюте и около 5% в рублях.

В некоторых кредитных учреждениях тарифы более разнообразны. Если предприятие дает банку самостоятельно определять объект инвестиций, то платит 2% от полученного по договору дохода. Если выбирает одну из 2-3 отраслей промышленности, предложенных банком, то 3%. Если отдает предпочтение производствам и операциям, а соотношение вложений оставляет за банком, то 4%. Если самостоятельно отбирает направления и определяет долю инвестиций, то - 5%.

Следовательно, банк заинтересован в наиболее оптимальной диверсификации трастового портфеля. Анализ, осуществляемый по многим критериям, постоянное отслеживание ситуаций на валютном фондовом рынке и рынке краткосрочных кредитных ресурсов, внесение изменений и дополнений в существующие прогнозы, позволяет избежать необоснованных рисков финансовых вложений и, таким образом увеличивать доходы клиентов.

Шестой этап. Непосредственное открытие счета клиенту и прием денег от него.

Иногда коммерческие банки предпочитают выделять подразделения, оказывающие трастовые услуги, в отдельные дочерние, в целях предоставления этим подразделениям наибольшей самостоятельности и независимости от подразделений, занимающихся традиционным банковским бизнесом [23].

Создание траст - отдела внутри Рязанского Сбербанка, при административном разделении операций, дает возможность для более легкого продвижения трастовых услуг на рынок, используя при этом сеть подразделений банка, оказывающих клиентам другие услуги.

Организационная структура отдела, занимающегося трастовыми операциями, может строиться по принципу функциональности соответствующих рабочих. К основным функциям, на основе которых может создаваться структура траст отдела, относятся: «операционные», «системные», «инвестиционные». В некоторых случаях такая градация может включать «налоги», «управление недвижимостью» и др.

Операционная функция включает в себя, прежде всего, учет прием и поставку активов, проведение расчетов. Операционная деятельность характеризуется использованием наибольшего числа сотрудников по сравнению с другими функциональными блоками. Главные факторы успеха здесь своевременность и аккуратность работы. Этот блок занимается обработкой сделок, произведенных отделом инвестиций. Основными задачами здесь являются передвижение ценных бумаг и денежных средств по системе учета и контроля за этим передвижением, а также учет, контроль за поступлением доходов и ведение соответствующих журналов учета. Кроме того сюда относится ответственное хранение активов, в том числе и физическое хранение ценных бумаг и других материальных ценностей в хранилище.

В задачу блока системного обеспечения входят разработка (или приобретение) и обслуживание систем обработки информации. Иногда коммерческие банки используют сторонние организации в качестве поставщиков программного обеспечения. Но даже в этом случае в банке должна находиться служба, обеспечивающая контроль за работой персональных компьютеров и другой техники.

Инвестиционный блок считается сердцем подразделения, занимающегося трастовыми операциями, успех развития трастовых услуг часто зависит именно от его деятельности. В соответствии с потребностями конкретного клиента работа инвестиционного блока строится по разным схемам, инвестиционным моделям. Рассчитаем экономическую прибыль банка при совершении одной трастовой операции:

- стоимость доверенных активов юридического лица составляет 100 млн. рублей, - банк выдает кредит промышленному предприятию на всю стоимость доверенных активов под 1694 годовых, сроком на 3 года,

- вознаграждение, получаемое банком за управление средствами – 5% годовых от величины полученного дохода

$$\begin{aligned} \text{Ежемесячная прибыль юр. лица} \\ &= \frac{100000000 \cdot 31 \cdot 0,16}{365} \\ &= 1358904 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{Ежемесячная прибыль банка} \\ &= \frac{1358904 \cdot 31 \cdot 0,05}{365} = 5771 \end{aligned}$$

$$\text{Прибыль банка за год} = 69252$$

Таким образом, трастовые операции не приносят банкам непосредственно высокую прибыль. Сборы за управление имуществом не так уж велики. Однако если учесть огромные масштабы операций, прямые доходы от трастовой деятельности у ведущих банков исчисляются многими десятками

миллионов долларов. Но самое главное для банков - это то, что акции корпораций, находящиеся во владении крупнейших банков в связи с их трастовыми операциями, являются одним из факторов могущества банков, позволяющих влиять на политику промышленных компаний, удерживать их в сфере своего влияния и получать возможности потенциального увеличения доходов в будущем за счет привлечения дополнительных денежных средств подконтрольных предприятий и выдачи им кредитов. Учитывая выше изложенное, следует вывод, что в Рязанском ОСБ № 8606 необходимо открыть траст-отдел.

Список литературы

1. Закон РФ № 102-ФЗ от 16.07.1998 «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (с изм. и доп.) <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 20.10.2019).
2. Закон РФ № 3615-1 от 9.10.1992 «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп.). <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 20.11.2019).
3. Ануреев С.В. Рентабельность расчетно-кассовых операций . коммерческих банков и пути ее повышения // Финансы и кредит - 2018. - № 13. с. 25-42
4. Беляков А.В. Банковские риски: проблемы учета, управления и регулирования: Разработка по управлению банком. – М.: БДЦ-пресс, 2017. – 256с.
5. Владиславлев Д.Н. Как организовать клиентскую службу банка. – М.: ось-89, 2017. – 176с.
6. Ионов В.М. Современные тенденции развития кассовых операций // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. - 2019. - № 2. - (2,62-69)
7. Bankir.Ru информационное агентство: официальный сайт. <http://www.bankir.ru>
8. Сбербанк России: официальный сайт. <http://www.sbrf.ru>

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ
НЕОБХОДИМОГО УРОВНЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА***Христолюбова Н.Е.**научный сотрудник**Центральный экономико-математический институт**Российской академии наук***DIGITALIZATION OF THE ECONOMY AND THE PROBLEMS OF COMPLIANCE AND
FORMATION OF THE NECESSARY LEVEL OF HUMAN CAPITAL***Khristolubova N.**Researcher,**Central Economics and Mathematics Institute**of the Russian Academy of Sciences*DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-24-28](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-24-28)**Аннотация**

Цифровизация экономики предъявляет новые требования к человеку, как основному фактору производства, к уровню и качеству его человеческого капитала. Творческий, инновационный, компетентный труд человека выступает надежным источником безопасного и устойчивого социально-экономического развития. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи и взаимозависимости уровня развития цифровой экономики и качества человеческого капитала. Выделяется особое значение системы образования, как инструмента и основного фактора формирующего человеческий капитал.

Abstract

The digitalization of the economy imposes new requirements on a person, as the main factor of production, to the level and quality of his human capital. Creative, innovative, competent human labor is a reliable source of safe and sustainable socio-economic development. The article presents the results of a study of the relationship and interdependence of the level of development of the digital economy and the quality of human capital. The special importance of the education system as a tool and the main factor forming human capital is highlighted.

Ключевые слова: научно-технологический прогресс, образование, человеческий капитал, компетенции, безопасность.

Keywords: scientific and technological progress, education, human capital, competencies, security.

Цель статьи – показать результаты научных исследований проблем становления и развития в России цифровой экономики и соответствия фактического уровня и качества человеческого капитала необходимым требованиям нового социально-экономического этапа развития, а также изучения факторов, позволяющих обеспечивать необходимый уровень человеческого капитала. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: исследовать роль человеческого капитала на современном этапе развития цифровой экономики и образования, как основного формирующего фактора; установить фактический уровень цифровизации в России и произвести сопоставление с соответствующими международными статистическими данными; исследовать ряд новых актуальных проблем системы образования, вызванных влиянием научно-технологического прогресса на человека и выявить новые индивидуальные и общественные опасности.

В настоящее время страны мировой экономики, включая Россию, находятся на этапе перехода к новой шестой волне социально-экономического развития, базирующейся на научно-технологическом прогрессе в форме цифровизации, искусственного интеллекта, информатизации и других новациях, модернизирующих существующие и создающих новые институты, институцио-

нальную среду и механизмы их становления и развития, которые выступают источником и импульсом конкурентного, динамичного, безопасного, независимого и устойчивого социально-экономического и политического развития государства.

Новации являются одновременно причиной и следствием потока изменений в экономическом и общественном развитии, существенно изменяя образ мышления, интересы, ментальность, мотивацию к деятельности и, как следствие, поведение (хозяйственное, общественное (включая бытовое), психологическое, экологическое и др.), качество жизни общества в целом и отдельного человека. Современный этап развития предъявляет особые требования к человеку, к накопленному уровню и качеству его человеческого капитала, выдвигая основным фактором производства традиционных и новейших благ. Человек перестает восприниматься «винтиком» огромного государственного механизма (как это было в прошлой российской истории). Креативный, инновационный, компетентный труд человека выступает надежным источником роста прибавочного продукта.

Состав, структура, уровень и качество человеческого капитала являются условиями ускорения (торможения) научно-технологического и социально-экономического развития, а высокий достигнутый уровень - конкурентным преимуществом

стран, их объединений, корпораций, фирм и т.д., в том числе, и человека на внутренних и внешних рынках. В исследовании будем основываться на определении понятия «человеческий капитал» предложенного Программой развития ООН (ПРООН). Человеческий капитал - это знания, навыки, способности и другие черты человека и его личности, способные создавать личное, социальное и экономическое благосостояние [1]. Особенностью человеческого капитала является то, что его практически невозможно накопить в необходимом и достаточном количестве и качестве для решения текущих и будущих социально-экономических проблем, в короткий промежуток времени, те есть накопление и рост человеческого капитала – стратегическая задача.

В современных условиях остается актуальным высокий уровень индивидуального человеческого капитала, то есть инноваторов инноваций (ученых, изобретателей, предпринимателей, менеджеров, инвесторов, банкиров, писателей, художников, поэтов и т.д.) во всех областях и сферах деятельности общества. Также особое значение приобретает достаточный общий уровень человеческого капитала в стране, который позволит достичь необходимого (в некоторых экономико-социально-политических условиях и безопасного) показателя социального капитала для создания интегрированного общества (такое общество также в научных источниках называют солидарным, суперинтеллектуальным, Общество 5.0). Образованное и культурно-нравственное интегрированное или солидарное общество, в современных условиях перехода от изживающего доминирующего к нарождающемуся технологическому укладу, способно на основе роста атмосферы доверия и общего благоприятного климата создать предпосылки для эффективной модернизации, приводящей к созданию, широкого распространения и восприятия нарастающего потока новизны.

В настоящее время солидарное общество не является самобытным его необходимо постоянно формировать и развивать с помощью дополнительных системных экономических, социальных, политических, культурных, психологических мероприятий на основе специальных текущих, среднесрочных и стратегических программ и проектов для обеспечения эффективного функционирования институциональной среды. В тоже время, все институциональная система заинтересована в оказании влияния на все общество и отдельного человека, и в желании управлять их жизнедеятельностью и качеством жизни, так как она потребляет основной ресурс данного этапа развития общества – человечески капитал, в форме компетентного, креативного и инновационного труда [2].

В переходный период к новому технологическому укладу и в период его становления научно-технологический прогресс оказывает особое давление (экономическое, социальное, информационное, когнитивное, психологические и т.д.) на человека и общество в целом, что уже доказано публикациями научных центров и трудами авторитетных мировых и российских ученых-исследователей таких, как:

Н.Д. Кондрагев, Карлота Перес, Ю. В. Яковец, В.Е. Деменьтьев, А.А. Акаев, С.Ю. Глазьев и др. Надо отметить, что это влияние научно-технологического прогресса и человека имеет взаимосвязанный и взаимозависимый характер. Человек в современной экономике выступает сразу в двух ролях - производитель и потребитель экономических благ, что находит отражение в его мышлении, интересах, мотивации, поведении, деятельности. В этих условиях человек испытывает на себе одновременно давление (часто разнонаправленное) и как производитель, и как потребитель новейших благ, то есть, во-первых, давление со стороны постоянно обновляющегося, под влиянием модернизационных процессов, рынка труда. Во-вторых, в кратчайшие сроки человеку необходимо адаптироваться к безопасной и эффективной жизнедеятельности в новых условиях и реализовать свой потенциал компетенций.

В современных условиях цифровизация (цифровая трансформация), это радикальные, качественные изменения в бизнес-моделях, бизнес-процессах, также и социально-экономические эффекты, вызванные вследствие их внедрения и широкого распространения [3]. Объективно активные трансформационные цифровые процессы уже фактически происходят в социально-экономическом пространстве мировой экономики.

В настоящее время страны мировой экономики находятся на разных этапах цифровизации, наиболее развитые достигли высокого уровня цифровой зрелости (например, в цифровизации бизнеса достигли пятого уровня, базирующегося на использовании открытых цифровых интерфейсов (API), эксперты прогнозируют в ближайшее время появление 6 и 7 уровня цифровизации). Россия начала цифровую трансформацию позднее, чем лидирующие по уровню развития цифровой экономики страны (например, США, Германия, Дания и др.).

По данным разных авторитетных международных рейтинговых агентств Россия в 2020 году по уровню цифровизации занимает места: Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) - 43 место из 141 страны; Глобальный индекс инноваций (GI) - 47 место из 131 страны (в 2019 году 46 место); Индекс сетевой готовности (NRI) 48 место из 134 стран; Индекс цифровой связанности (GCI) 49 место из 79 стран; Индекс цифровой конкурентоспособности (DCR) 38 место из 63 стран (в 2018 году 40 место); Глобальный индекс кибербезопасности (GCI) 26 место из 193 стран (снижение на 16 позиций по сравнению с 2017 годом); Локальный индекс онлайн-услуг по городам (LOSI) – Москва 1 место со значением индекса 55 из 60 баллов максимально возможных.

Цифровая трансформация, особенно в области информационных технологий оставляет и дает возможность при наращивании темпов цифровизации догоняющим странам ликвидировать информационный разрыв, и даже лидировать по многим конкурентным направлениям. Сейчас российское правительство занимает активную позицию в цифровизации страны. С 2018 года Правительство РФ в

рамках реализации Указа президента РФ от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» разработало и внедряет специальный национальный проект «Цифровая экономика» [4] с подразделами – федеральными проектами. В рамках данного национального проекта в частности намечены цели и задачи: увеличить затрат на развитие цифровой экономики в 3 раза (2018 г. – 1,9% ВВП, 2024 г. – 5,1%); увеличить долю РФ в мировом объеме оказания услуг хранения и обработки данных до 5% (2020 г -1,5%); обеспечить функционирование «электронного паспорта» гражданина РФ, единой государственной облачной платформы и инфраструктуры «Цифровой профиль» для обмена информацией между государством, организациями и гражданами; подключить 97% домохозяйств к широкому доступу в Интернет (в 2018 году 75%), развитие и внедрение сетей связи нового поколения 5G, на 85% перейти на отечественный софт в государственных организациях, увеличить с 30 тыс. до 270 тыс. человек количество специалистов, обученных по компетенциям цифровой экономики и другие.

Аналитики Школы Флетчера при Университете Тафтса (The Fletcher School at Tafts University) совместно с компанией MasterCard Incorporated подготовили данные международного рейтинга стран мира по уровню индекса Digital Evolution Scorecard за 2020 год. В рейтинги приняли участие 90 стран мира, которые на основании 160 индикаторов, характеризующих четыре основных признака цифровизации стран мира: предложение (уровень развития цифровой среды и необходимой для обеспечения цифровой экосистемы физической инфраструктуры), спрос (демонстрирует наличие необходимых инструментов и навыков для участия в цифровой экономике), институты и инновации (уровень развития главных элементов экосистемы инноваций). В исследовании учитывали фактическое состояние цифровизации в стране и скорость цифровизации (прирост баллов рейтинга за период с 2008 по 2019 года) По итогам страны разделили на четыре зоны: лидеры, перспективные, замедляющиеся, проблемные. Лидирующие позиции в зоне лидеров занимают такие страны, как: Сингапур, США, Гонконг, Южная Корея и др. Россия относится к числу самых перспективных стран по уровню цифровизации экономики (в этой зоне также находится Китай, также что важно, Азербайджан, Казахстан – страны партнеры России по интеграционным объединениям).

По данным экспертов консалтинговой компании UXSSR и аналитического отчета KMDA [5] по итогам I полугодия 2020 года 11% российского бизнеса достигли высокого уровня цифровизации, а 83% находятся на первой и второй стадиях цифровизации, то есть их темпы модернизации пока не позволяют «догнать» лидеров, конкурировать и соответствовать динамике мировых изменений. По данным Аналитического центра НАФИ (Национальное агентство финансовых исследований) [6]

сейчас только 14% руководителей проявляют заинтересованность в цифровизации бизнеса. Общий уровень цифровизации бизнеса, представленный международным индексом Business Digital Index - BDI, составляет в России 50 пунктов из 100 (т.е. можно сказать, бизнес готов к цифровизации наполовину). В 2019 году – 45 пунктов, очевидно, что дополнительный необходимый импульс цифрового развития придали пандемия, самоизоляция и работа в удаленном режиме (например, в 2020 году в Москве рынок офисного труда сократился 20-30%), вопреки мировому экономическому спаду (в 2020 году объем мировой экономики снизился на 4,4%). Например, доля российских компаний, имеющих собственный сайт, в 2020 году составила уже 75%, в 2019 году 54% (годовой рост на 21%); частичный или полный переход на электронный документооборот 81% компаний; контекстная реклама продукции в 2020 году составила 65% (в 2019 году – 44%) и реклама в социальных сетях 58% в 2020 году (34% в 2019 году). Также произошли важные психологические изменения в осознании необходимости цифровой трансформации для современных и конкурентных бизнес процессов, в 2018 году такую необходимость признавало 33% респондентов, в 2020 году – 64%.

Наши исследования результатов опроса KMDA 2020 года показали, что в числе основных препятствий цифровизации российских компаний, по мнению респондентов данного опроса (в опросе принимали участие 700 руководящих сотрудников предприятий разных сфер и областей деятельности (представители 27 отраслей от машиностроения, образования и науки до банковского сектора) в 8 федеральных округах России), лидируют следующие факторы: во-первых, нехватка компетенций и знаний у сотрудников (53%). Во-вторых, внутреннее сопротивление компании, страх изменений (45%); в-третьих, отсутствие стратегического плана (42%), в-четвертых, нехватка квалифицированных кадров (41%). Видим, что эти факторы имеют даже большую силу, чем недостаток финансирования (37%) и возможные риски совершить ошибочные действия и не окупить инвестиции. Если сравнивать показатели опроса 2020 года с аналогичными показателями в предыдущем году, то фактор внутреннего сопротивления поднялся на 2 п.п., а нехватка квалифицированных кадров настолько же снизилась. Считаем, что следствием недостаточной компетентности (цифровой, общекультурной, универсальной, общепрофессиональной и профессиональной) руководителей и сотрудников является, отсутствие стратегии развития, в итоге, непонимание и незнание основных направлений развития, необходимых целесообразных действий и, как результат, страх перемен. Культура и образование оказывают прямое влияние на образ мышления и поведения человека. Главным источником роста цифровой трансформации респонденты опроса выделяют адекватные текущему этапу развития, и даже опережающие компетенции, знания, умения и практические навыки людей (64%).

По данным НАФИ доля компаний, в которых прошло цифровое обучение руководителей в 2020 году составило 32%, в 2019 году – 26% (рост 6% за год), а доля компаний, где обучение прошел персонал в 2020 году – 43%, в 2019 году – 28% (рост за год на 15%). (Например, по данным экспертов BCG и World-Skills Russia, если раньше запаса знаний, умений, компетенций технического образования без повышения квалификации хватало на 10 лет, то сейчас на 2 года. Ожидается, что молодые специалисты, на протяжении периода трудовой активности, будут вынуждены сменить 3-5 профессий). Приобретенные человеком навыки быстро устаревают, поэтому сейчас постоянное на протяжении всей активной жизни повышение квалификации становится необходимым требованием и условием эффективной и безопасной жизнедеятельности общества и человека [7].

Наблюдаем рост интереса бизнеса к наращиванию человеческого капитала, но на данном этапе общественного развития очевиден фактический недостаток подготовленности и уже выделилась тенденция роста спроса на общекультурные, универсальные и профессиональные цифровые компетенции, знания, умения и практические навыки. Значение общекультурных компетенций в этом ряду не снижается, а наоборот, начинает возрастать, что объясняется новыми задачами, выдвигаемыми перед человеком – определение вектора общественного развития. Происходит перенос акцента с ответов на вопросы, эту функцию взяли на себя компьютерные технологии, на формулирование вопроса, как движущей силы развития познания и прогресса. Для этого у человека необходимо развитое аналитическое, системное, креативное мышление, которое формируется и развивается гуманитарным знанием. Поэтому актуальность современного, качественного, конкурентоспособного, непрерывного на протяжении всей активной жизни образования постоянно нарастает. Образование становится все более продолжительное по времени и более затратным, и фактически морально устаревает к моменту его завершения. По данным исследования College Board и Korean University в мире за последние пятьдесят лет средняя продолжительность обучения выросла в 2,5 раза (в 1,9 в развитых и 3,6 раза в развивающихся странах), а стоимость бюджетного четырехлетнего образования, за последние тридцать лет увеличилась в 3 раза [9].

В процессе цифровой трансформации субъекты хозяйствования ощущают постоянный дефицит в современных, эффективных, компетентных, креативных, творческих, мобильных, с навыками быстрого и постоянного обучения, способных создавать и воспринимать новации трудовых ресурсах. Данное несоответствие навыков, умений работников и требований современного рынка труда оказывает влияние на производительность труда и общую эффективность рынка труда стран. Эксперты международной консалтинговой компании Boston Consulting Group (BCG), провели исследование и опубликовали данные международного рейтинга стран по уровню производительности и

эффективности рынков стран. Тройка лидеров в 2020 году представлена странами – Нидерланды (100%), США, Швейцария, Россия заняла 52 место (30, 1%) из 75 стран мира, включенных в рейтинг. В России 45% работников (33 млн. человек) имеют недостаточную или избыточную квалифицированность, а производительность труда составляет 56 тыс. долл.. В странах-лидерах недостаточно квалифицированы: в Нидерландах 37,7% работников, в США – 33,5%, Швейцарии 36%, производительность труда соответственно: 100, 120 и 106 тыс. долл. [7].

В мировом пространстве в процессе перехода к цифровой экономике и возрастающей сложности и изменчивости процессов жизнедеятельности обострилась проблема квалификационного разрыва, проявляющаяся в потере человеком актуальности знаний умений и компетенций, не возможности реализовать на рынке труда и не желанием или не возможности (физической, когнитивной, психологической) приобрести новые навыки. Также появилась новая опасная своими последствиями для общества и самого человека проблема – «квалификационная» яма (skills mismatch), которая понимается, как несоответствие между фактическими навыками, которыми обладает работник, и задачами, которые он должен реализовывать в производственном процессе. В настоящее время работодатели для выполнения определенного вида трудовой деятельности не могут найти работников с адекватными текущим целям и задачам навыками, знаниями и компетенциями. По данным ОЭСР проблема «квалификационной» ямы распространяется от 17 до 52% от общего числа экономически активного населения. При текущем уровне глобальных трудовых ресурсов 3,5 млрд. человек в 2016 году компетенции каждого третьего работника либо избыточные, либо недостаточные для выполняемой деятельности. На данном этапе 1,3 млрд. человек не имеют достаточного уровня компетенции и навыки, что приводит к потере производительности труда на 6%, прогнозируется, что к 2030 году таких будет 1,4 млрд. человек. Эти международные данные подтверждаются результатами опроса ВЦИОМ в 2019 году, из которого следует, что 47% россиян работает не по полученной специальности [8], то есть значительная часть общества не может максимально полно реализовать свой потенциал, что сдерживает необходимые процессы интегрированности общества.

Система образования в новых условиях должна ставить новые задачи, связанные с актуализацией компетенций, знаний, умений, практических навыков человека и воспитанием новых необходимых качеств личности. Модернизация системы образования в кратчайшие сроки, это сложная, комплексная проблема, от решения которой зависит безопасность и устойчивость социально-экономического развития, и даже политическая стабильность страны в текущем периоде и будущем. Традиционно система образования является одной из наиболее консервативных сфер жизнедеятельности

общества и исторически ее модернизация продолжительна во времени для реформирования «исторически проверенных» образовательных методов и методик. Сложность современного, качественного образования человека, общества, позволяющего повысить уровень человеческого капитала и сократить разрыв между спросом рынка труда на новые компетенции и возможностями человека, определяется совокупностью факторов. В числе множества разносторонних факторов выделим следующие: во-первых, уже научно и практически признано и доказано, что образование в новых условиях должно носить не точечный характер, а быть непрерывным на протяжении всего периода активной жизни человека (такое существенное продление срока непрерывного образования связано с снижением рождаемости, увеличением продолжительности жизни людей и продлением срока деловой активности (экономика «третьего» возраста). Поэтому необходимо воспитывать в человеке культуру постоянного развития, мотивацию и ответственность за свое развитие. Во-вторых; индивидуализировать педагогические подходы к разным группам общества и даже конкретному человеку. Это связано с тем, что в состав и структуру экономически активного населения сейчас входят представители разных поколений. По данным МОТ к 2025 году четверть трудоспособного населения будет состоять из поколения Z, на 37% из представителей поколения Y, на 28% из представителей поколения X и небольшой части поколения беби-бумеров. Эти поколения значительно различаются по образу мышления, ценностям, психологии, поведению на рынке труда, когнитивным способностям, мотивации и т.д. Разные поколения имеют свои особенности (часто принципиальные) в процессе обучения и получения знаний. В процессе образования надо учитывать последние исследования ученых, проводимых в разных странах, о негативном влиянии на когнитивные способности, способность концентрироваться и психику человека компьютерных технологий. Поиск баланса в образовательных технологиях между проверенных временем традиционных и новых компьютерных. Научно-технологический прогресс позволяет развить и совершенствовать технологии, позволяющие использовать индивидуальный подход в образовании, что позволит в большем количестве «вращивать» таланты инноваторов и новаторов. В-третьих, обучение современным навыкам и навыкам будущих профессий (основываясь на мировом опыте и прогнозировании развития рынка труда). Для получения этих навыков особое место занимает система высшего образования. В России наметилась новая опасная тенденция в среднесрочном и долгосрочном периоде, снижения интереса молодежи к высшему образованию. По данным Росстата за период с 2010 по 2017 годы численность студентов, получающих высшее образование

в расчете на тысячу человек, сократилась на 1,6%, в инновационно-лидирующих странах отмечается их рост. Например, в 2010 году в России на 1 тыс. человек приходилось 65 студентов, то в 2016 году 46, в 2018 – 40; в Норвегии в 2010 году 46 человек, в 2016 – 53. На этапе становления нового технологического уклада и массового внедрения и применения достижений науки и техники в жизнедеятельность, недостаточная компетентность населения (общекультурная, общепрофессиональная, универсальная и профессиональная компетентность) может стать фактором сдерживания социально-экономического развития страны и снижения уровня безопасности системы «человек-общество-природа». [10,11].

Список литературы

1. ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 г. /Под ред. С.Н. Бобылева, М.: Весь мир, 2004.
2. Христолюбова Н.Е. Солидарность общества, как необходимый фактор эффективной модернизации социально-экономического пространства. //Вестник ЦЭМИ. Вып.1. М.: ЦЭМИ РАН, 2019.
3. Цифровизация для человека: «То, что мы делаем сейчас, сравнимо с покорением космоса» - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - [Электронный ресурс]. URL:<http://www.hse.news.expertise> – (дата обращения: 11.07.2021).
4. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».
5. Цифровая трансформация в России – 2020. Аналитический отчет на база опроса представителей российских компаний. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.komanda-a.pro> – (дата обращения: 12.07.2021).
6. Пандемия и переход компаний на «удалёнку». Индекс цифровизации малого и среднего бизнеса. НАФИ. 07.07.2021. [Электронный доступ]. URL: <http://www.nafi.ru> – (дата обращения: 07.07.2021).
7. Массовая уникальность. Глобальный вызов в борьбе за таланты. World Skills Ruaaia, BCG. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.web-assets.bcg.com> – (дата доступа 28.07.2021).
8. ВЦИОМ: почти каждый второй опрошенный россиянин работает не своей специальностью. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.tass.ru>
9. Coiiege Board. 2017
10. Христолюбова Н.Е. Новые качества человеческого капитала для безопасности жизнедеятельности в условиях распространения цифровизации. //Вестник ЦЭМИ. М.: ЦЭМИ РАН. №1. 2021.
11. Христолюбова Н.Е. Новому этапу развития экономики – новые компетенции. // Цифровая экономика.- М.: ЦЭМИ РАН.- 1(9)2020 – С.91-99.

JURIDICAL SCIENCES

CARACTÉRISTIQUES DE LA RELATION ENTRE LE STATUT JURIDIQUE D'UN INDIVIDU ET LA MISE EN OEUVRE DE LA DÉFENSE NÉCESSAIRE

Kostanyan G.,

*Chercheur principal à l'Institut de philosophie,
Sociologie et Droit de NAS RA,
Maître de conférences à la Faculté de droit de l'Université
Du Bureau du Procureur de la Fédération de Russie
Docteur en droit,
Conseiller d'Etat à la Justice 2e class.*

Kazanchian L.

*Directeur de l'Institut de Philosophie, Sociologie et Droit de NAS RA,
Membre de la Chambre des Avocats de la RA
Candidate en Sciences Juridiques, Professeur associé
Doctorant de l'Institut de Philosophie,
Sociologie et Droit de NAS RA*

FEATURES OF THE CORRELATION OF THE LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL WITH THE IMPLEMENTATION OF THE NECESSARY DEFENSE

Kostanyan G.,

*Leading researcher of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA,
Lecturer at the Faculty of Law of the University of the
Prosecutor's office of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Sciences,
State Councilor of Justice of 2nd class.*

Kazanchian L.

*Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA,
Member of Chamber of Advocates of the RA
Candidate of Juridical Sciences, Associate professor
Doctoral student of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA*

DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-29-32](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-29-32)

Annotation

Dans l'article scientifique, basé sur l'étude de la législation de la République d'Arménie et des pays étrangers, l'histoire de la formation et du développement de la légitime défense, les caractéristiques du concept de la légitime défense sont révélées. L'article présente également les caractéristiques de la relation entre le statut juridique d'un individu et la mise en œuvre de la défense nécessaire dans le cadre du droit pénal et constitutionnel. Il faut noter, que le droit de la légitime défense appartient à l'homme en dépit de son sexe, race, âge, origine sociale ou nationale, situation de fortune, degré professionnel, poste officiel, ainsi qu'en dépit de la possibilité d'éviter de l'atteinte ou de s'adresser à l'autrui ou aux corps étatiques.

Abstract

In the scientific article, the features of the concept of legitimate defense (self-defense) are revealed, based on the study of the legislation of the Republic of Armenia and foreign countries, the history of the formation and development of legitimate defense. The article also presents the features of the relationship between the legal status of an individual and the implementation of necessary defense in the context of criminal and constitutional law. It should be noted, that the right to self-defense belongs to a person, regardless of his gender, race, age, social or national origin, property status, professional degree, official position, as well as in spite of the possibility of avoiding the infringement or of reaching out to others or to State bodies.

Mots clés: la légitime défense, les causes d'irresponsabilité pénale, la dangerosité publique, la culpabilité, droits et libertés, les intérêts légitimes de l'individu.

Keywords: legitimate defense (self-defense), causes of criminal irresponsibility, public danger, guilt, rights and freedoms, legitimate interests of the individual.

Dans la littérature juridique moderne, selon la définition généralement acceptée, *le statut juridique d'un individu est son état réel dans une société et un État donnés, qui dans une plus ou moins grande mesure*

(selon la forme de gouvernement et le régime politique de l'État) est reflété dans la loi. [3, p.43; 8, p. 125;9,p.30]. Le statut juridique d'un individu est un

phénomène complexe, social et juridique qui s'est manifesté de différentes manières dans différentes périodes historiques et formations sociales.

Dans le droit constitutionnel, comme dans la science juridique fondamentale, "le statut juridique" est un concept relativement nouveau. De la période pré-révolutionnaire aux années 60 du 20ème siècle, il a été identifié à la personnalité juridique de l'individu. Ce n'est que grâce au développement rapide de la pensée juridique (70-80) que le concept de "statut juridique" s'est formé comme problème principal et central de la jurisprudence, a été largement développé et consolidé dans la législation. Peu à peu, de nouvelles conceptions du droit, la séparation des droits de l'homme et civils se sont formées. [10,p.20,13,p.300].

Peu à peu, de nouveaux concepts de droit, de séparation des droits de l'homme et du citoyen, se sont formés. Néanmoins, ce n'est qu'avec l'adoption de la Constitution de l'URSS (1977) que la liste élargie des droits de la personne a été présentée pour la première fois, et dans les commentaires constitutionnels qui ont suivi, le terme «statut constitutionnel de la personne a été clarifié pour la première fois [12,p.300;16,p.30-34].

Dans ce laps de temps, les droits de l'individu sont considérés et commentés comme une expression du statut juridique de l'individu, ce qui implique l'ensemble des droits et obligations de l'individu.

Dans un laps de temps donné, les droits de la personne sont considérés et commentés comme une expression du statut juridique de la personne, qui implique l'ensemble des droits et obligations de la personne.

Dans le même temps, des éléments du statut juridique de la personne étaient considérés: personnalité juridique, responsabilité juridique, les intérêts légitimes de la personne et les garanties juridiques (légales) pour la protection des droits individuels [8,p.125].

Il convient de noter que la théorie moderne du droit, en tant que science fondamentale, distingue les éléments structurels suivants (fondements) du statut juridique (statut) de la personne: 1)l'ensemble des droits, libertés et devoirs de la personne, 2)la personnalité juridique, 3)les intérêts légitimes de la personne,4) la responsabilité juridique, 5) les principes juridiques sur lesquels repose le statut juridique (statut) d'une personne.[8,p.125-126]

Les caractéristiques des processus socio-économiques et politiques de la période de transition après l'effondrement de l'URSS, ainsi que le nouveau système juridique formé, ont eu une grande influence sur la formation et la consolidation législative de ces derniers.[8, p.126]

Il convient de noter, que dans la littérature juridique moderne, "le statut juridique d'un individu" et "la mise en œuvre de la défense nécessaire" sont souvent étudiés séparément, et l'étude de la relation entre ces deux concepts dans la littérature juridique est considérée comme une étape audacieuse.

Sur la base des recherches menées à l'ère de la mondialisation, nous considérons qu'il est important d'examiner la relation entre les concepts ci-dessus

On sait que les libertés, les intérêts légitimes de l'individu constituent le noyau du statut juridique de

l'individu. À son tour, la mise en œuvre de la défense nécessaire est directement liée aux droits de l'individu, puisque dans la littérature juridique moderne, la défense nécessaire est essentiellement un droit de l'individu.

Toutefois, il est à noter que **le droit de la légitime défense n'est pas procuré par l'Etat. Il est seulement reconnu et garanti par les autorités, et l'Etat dans ce cas semble donner une part de ces obligations au peuple.** Une telle approche est conditionnée par le fait que l'institut de la légitime défense est l'un des instituts les plus anciens. Il s'est formé depuis le début de l'Etat et a passé par toutes les étapes du développement de l'Etat. Des thèses sur la légitime défense sont notées dans les lois de Manou (1200-200 av. J. C.), du roi Hamourabi de Babel (1914 av. J.C), dans les lois juives de Moïse, ainsi que dans les lois grecques et romaines. Notons que d'après les lois de Manou il était permis de réaliser une légitime défense et de tuer l'agresseur si la vie et la santé de l'autrui étaient en danger.

Déjà le code de Babel donnait le droit de tuer la personne qui tentait d'entrer dans la maison d'autrui en percent le mur. L'une des sources romaines, "les 12 tableaux" autorisent la réalisation de la légitime défense envers un cambrioleur nocturne, qui fait irruption dans la maison la nuit ou bien tente de cambrioler les gens dans la rue. La légitime défense est bien présentée dans les ouvrages d'Aristote qui l'inclut dans les droits des habitants d'Athènes [2,p.22-34]. Notons que les juristes romains classaient la légitime défense parmi les droits naturels de l'homme. A ce sujet s'est exprimé Cicéron à l'occasion de l'affaire d'Annie Milon. Il note que la légitime défense est un droit inné, dotée par la nature et si la vie de l'homme est menacée par des intrigues, par la violence, par l'arme des délinquants et des ennemis, tout moyen d'autodéfense est justifié: "Les lois se taisent devant le bruit des armes et qui attend le secours de la loi, souffrira plus de l'illégitimité" [5,p.224].

Il est à noter que la légitime défense est manifeste aussi dans les monuments juridiques arméniens. Par exemple "Le code des lois" de Mkhitar Goch (1184), dans "Le code des lois" de Smbat Sparapet (ou le Connétable) (1265), dans "Le Piège de l'orgueil" ("Vorogaït Parats") des Chahamirian (1788), dans "Le code des lois arménien d'Astrakhan" (1135) etc.

La notion de la légitime défense est appelée à contribuer à la consolidation du règlement juridique. Etant une cause d'irresponsabilité pénale, elle contribue à la prévention des crimes et à retenir la personne de son intention de le commettre. Il est à noter que la prohibition de la défense des citoyens contre le danger menaçant aurait facilité la commission des crimes. Le criminel étant au courant que son atteinte sera ripostée, se retiendra à effectuer une action d'une dangerosité publique.

Le droit de la légitime défense appartient à l'homme en dépit de son sexe, race, âge, origine sociale ou nationale, situation de fortune, degré professionnel, poste officiel, ainsi qu'en dépit de la possibilité d'éviter de l'atteinte ou de s'adresser à l'autrui ou aux corps étatiques.

La pratique judiciaire montre que devant une atteinte les gens ne réalisent pas la légitime défense pour les raisons suivantes:

17% des gens n'ont pas l'idée sur l'existence de l'institut de la légitime défense, 25% ne savent pas comment agir dans les cas pareils, 23% ont peur de ne pas pouvoir résister comme il faut, 35% trouvent qu'ils peuvent causer des conséquences défavorables et être poursuivies par la responsabilité pénale. Par suite, en affrontant le criminel, les citoyens manifestent un comportement passif et ne défendent pas activement les droits et les intérêts légitimes d'eux-mêmes, ainsi que de l'Etat et de la société. En plus, la structure complexe de l'institut de la légitime défense et ses nuances créent souvent une situation ambiguë pour les corps d'instruction et judiciaires. Ceux-ci, ne comprenant bien l'essence de la légitime défense appellent à la responsabilité pénale les personnes ayant réalisé la légitime défense.

Donc, l'étude détaillée de la légitime défense, son éclaircissement est très important, tant du point de vue de la pratique judiciaire, du droit pénal, que de la droit constitutionnel.

L'institut de la légitime défense est l'un des instituts les plus anciens du droit. La légitime défense est la protection des droits et des intérêts personnels, publics et étatiques conforme au droit [11,p.37].

L'une des fonctions du pouvoir étatique est la prévention des crimes et la lutte contre ceux-ci. Mais comment que le système juridique ne soit parfait, il n'est tout de même pas possible de réaliser à tout moment la défense des citoyens. C'est pourquoi l'état a doté ses citoyens par le droit de légitime défense, en ainsi constatant le fait que toute personne est pourvue de droit de prévenir un crime [11,p.37].

L'article 42 du code pénal de RA présente la notion de la légitime défense[6 ; 11, p.37]:

1. N'est pas considérée crime l'action qui s'est effectuée en état de légitime défense, c'est-à-dire en défendant la vie et la santé de soi-même ou d'autrui, les intérêts publics et étatiques devant une atteinte d'une dangerosité publique ou de sa menace, par moyen de causer un dommage à l'agresseur, à mesure que ne soit pas commis excès de la légitime défense.

2. Lors de la défense devant une atteinte associée d'une violence dangereuse pour la vie de la victime ou devant sa menace réelle peut être causé un quelconque outrage même un meurtre.

3. Le droit de la légitime défense appartient à la personne en dépit de la possibilité d'avoir le secours d'autrui ou des corps d'état, ainsi qu'en dépit de la profession ou du poste officiel de la personne.

4. L'excès de légitime défense sont considérées les actions intentionnelles qui, évidemment pour la victime ne correspondent pas à la nature et à la dangerosité de l'atteinte. L'action faite par l'excès de la légitime défense est considérée comme crime si c'est prévu par la partie spéciale du code pénale.

5. N'est pas considéré l'excès de la légitime défense et n'est pas poursuivi par la responsabilité pénale l'utilisation de l'arme ou d'autres moyens lors de la défense contre une attaque armée ainsi que pour prévenir l'irruption illégitime par violence dans un

appartement ou autre logement habité en dépit de la gravité du dommage causé à l'agresseur.

Donc, les cadres de la légitime défense incluent non seulement la défense des intérêts de soi-même, mais aussi ceux de l'autrui, de l'Etat et de la société. Pour comprendre l'essence de l'institut de la légitime défense il est important d'étudier les deux approches sur la légitime défense dans la théorie du droit pénal [11,p.37].

Il est à noter que la légitime défense n'est pas seulement une circonstance excluant la criminalité d'un acte, elle est également considérée comme un acte d'utilité publique et est interprétée comme le droit constitutionnel du citoyen de protéger ses intérêts et ceux d'autrui contre les atteintes criminelles. L'essentiel est de ne pas dépasser ses limites. [1,p.140-141;4,p.190; 11,p.37].

En outre, la légitime défense se distingue des autres moyens de défense des intérêts et des droits par le fait qu'elle se réalise en causant outrage à la personne auteur de l'atteinte. Et si l'on considère la légitime défense en tant qu'obligation de la personne, il en résultera que la personne est obligée de se défendre en causant dommage à son adversaire. Et si elle ne l'a pas fait, elle doit être appelée à la responsabilité (si la légitime défense est vue comme obligation juridique, donc à la responsabilité juridique, si obligation morale- à la responsabilité morale)[3, p. 140-141; 7, p.33 ; 11,p. 38].

Il est à noter que la légitime défense n'est pas sans limites. Au cours d'elle les dommages causés à l'agresseur peuvent être considérés conformes au droit seul en présence de certaines circonstances. Dans la théorie du droit ces conditions sont traditionnellement appelées des conditions de la conformité au droit de la légitime défense.

La loi a donc prévu des conditions en présence desquelles la légitime défense peut être conforme au droit.

Comme au cours de la légitime défense on est en présence d'un conflit des forces opposées, les juristes les classent en deux catégories: 1. des conditions de la conformité au droit relatives à l'atteinte, 2. des conditions de la conformité au droit relatives à la défense.

Néanmoins, le juriste I. S. Tichkevitch trouve que ce classement est formel. Quand on parle de la conformité au droit, toutes ces conditions relatives à la conformité au droit de la légitime défense et la caractérisent comme des actes autorisés par la loi pour prévenir une action dangereuse pour la public [15,p.58]. V.V. Orékhov et T.G. Chavgüldzé ne partagent pas cette opinion. A leur avis, les conditions de la conformité au droit de la légitime défense doivent être classées compte tenu des circonstances du début et de la fin de la défense [12,p.67-68].

Néanmoins, les spécialistes contemporains du droit pénal trouvent que le classement traditionnel des conditions de la conformité au droit de la légitime défense est plus correct.

Ainsi, les conditions de la légitime défense relatives à l'atteinte sont:

1. La dangerosité publique.

2. L'existence.

3. Le fait d'être réel.

Défense factice - causer du tort à une personne qui est prise pour un criminel. La défense imaginaire peut être causée par divers facteurs: évaluation incorrecte de la situation, dans laquelle le comportement d'une personne est confondu avec un empiètement socialement dangereux ; détermination incorrecte du moment de la fin de l'empiètement, à la suite duquel un dommage a été causé qui n'a pas été causé par la nécessité.

La défense est toujours une action active du défenseur visant à nuire à l'envahisseur. Il est important de savoir que le but principal n'est pas de nuire, mais la protection des intérêts protégés. Par conséquent, la protection ne devrait pas être dirigée contre les tiers, dans le cas où cela se produirait, les règles de l'extrême nécessité devraient s'appliquer. Le sujet de l'attaque n'est qu'une personne physique. C'est-à-dire une personne, en cas de préjudice à un animal (par exemple, un chien dressé), on parle de causer des dommages matériels à l'agresseur (propriétaire de l'animal).

Sur cette base, la Constitution de la Russie contient une indication que chacun a le droit de défendre ses droits et libertés par tous les moyens non interdits par la loi (partie 2 de l'article 45). De plus, par règlement, le législateur encourage toute activité indépendante licite d'un individu pour assurer la sécurité d'une personne, d'une société ou d'un État [14, p.296-298].

On sait que le droit à la légitime défense appartient à la personne, quelle que soit la possibilité pour elle d'éviter une agression socialement dangereuse ou de demander l'aide de quelqu'un, ce qui implique que la personne attaquée peut choisir de l'affronter ou de fuir ou d'appeler à l'aide.

Ne dépassent pas les limites de la légitime défense de l'action de la personne défenderesse, si cette personne, en raison de la surprise de l'attaque, n'a pas pu évaluer objectivement l'étendue et la nature du danger de l'attaque.

Références

1. Alishaeva P.K., Gadzhieva A.A. Comportement provocateur de la victime dans le système de normes régissant le droit à la défense nécessaire // "Trous noirs" dans la législation russe. Revue juridique. M.: "IK-Press", 2007, №1. p. 140-141.

2. Aristotel, La société d'Athènes, (2e éd.), M., Maison d'édition socio-économique d'État, 1937.-255p.

3. Ayvazyan V.N. Droits de l'homme. Erevan, Tigran Mets. 2002.-551c. (en arménien).

4. Balmokhov S. V. Défense nécessaire dans le système de promotion pénale // "Trous Noirs" dans la Législation Russe. Journal juridique. M., 2008, №1. p. 189-190.

5. Cicéron Marc Toul, Discours, Pub. USSR, M, 1962.- 452p.

6. Code pénal de la République d'Arménie (adopté en mai 2003, entré en vigueur dès le 01.08.2003)

7. Droit pénal de la RA, Partie générale/Redaction de Ghazinian G.S., Erévan, 2000.-540p.

8. Kazanchian L.A. Quelques aspects du statut juridique de l'individu dans le contexte des réformes constitutionnelles de la République d'Arménie // Eurasian Law Journal, Moscou: 2020, № 5 (144). - P. 125-127.

9. Kazanchian L.A. Situation juridique particulière du juge dans le contexte des garanties de l'indépendance du pouvoir judiciaire// Le Patrimoine Scientifique(The scientific Heritage) // Budapest, Hungary. № 67 (67). - P.29-33, DOI: 10.24412/9215-0365-2021-67-5-29-33.

10. Kazanchian L.A. The statute juridique de la person. Analyse théorique et juridique. Yerevan. Limush. 2016. - 295p.

11. Kostanyan G., Kazanchian L., La notion de la legitime defense et sa place dans le systeme juridique// The Scientific Heritage. Budapest, Hungary. № 70 (70). - P.36-39.

12. Orékhov V.V., Légitime défense et d'autres circonstances excluant la criminalité de l'action, SPB, Centre Jur. Presse; 2003.-217p.

13. Shershenevich G.F. Théorie générale du droit: Partie théorique. Philosophie du droit. T. 1. Problème. 1 - M.: Fr. Bashmakovs, 1910.-839p.

14. Smirnov A. M. Nécessaire défense et conditions de sa légitimité // Sciences humaines, socio-économiques et sociales. 2019. №12.-P296-298.

15. Tichevich I.S., L'exécution des obligations juridique par forcément//Socialiste, M. 1975, № 8. - P. 58-65.

16. Vitruk N.V. Fondements de la théorie du statut juridique de l'individu dans une société socialiste. M., Science, 1979. -229p.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Федоренко В.И.*соискатель кафедры конституционного права
имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера
Саратовской государственной юридической академии*THE RIGHT OF OWNERSHIP IN THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RF**Fedorenko V.***Applicant for the Department of Constitutional Law
named after Professor Isaak Efimovich Farber
Saratov State Law Academy*DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-33-35](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-33-35)**Аннотация**

Статья посвящена вопросам реализации и защиты конституционного права собственности, раскрываемых в решениях Конституционного Суда РФ. Особое внимание уделено принципам реализации и ограничений указанного права, сформулированным в правовых позициях органа конституционного контроля, их значению для законодательной и правоприменительной практики.

Abstract

The article is devoted to the issues of implementation and protection of the constitutional property rights disclosed in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Particular attention is paid to the principles of implementation and restrictions of this right, formulated in the legal positions of the body of constitutional review, their significance for legislative and law enforcement practice.

Ключевые слова: право собственности, правовые позиции, Конституционный Суд РФ, собственность, ограничения права.

Keywords: property rights, legal positions, the Constitutional Court of the Russian Federation, property, restrictions on rights.

Конституция РФ 1993 года закрепила новые демократические подходы не только к построению политической системы государства, но и экономической. Рыночная экономика пришла на смену советской плановой. Произошел переход от преобладания государственной собственности на средства производства и его продукты к превалированию частной собственности. Право собственности, закрепленное статьей 35 Основного закона, стало одним из ключевых экономических прав граждан. Это основа функционирования экономики государства. Статья 8 Конституции РФ установила равное признание и защиту частной, государственной и муниципальной собственности.

Основная роль в единообразном понимании данных положений, а, следовательно, и реализации, отводится Конституционному Суду РФ, который обеспечивает верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ. Посредством сформулированных правовых позиций, он стимулирует формирование стратегии развития российского законодательства в изучаемой сфере. Мочалов А.Н. отмечает: «Органы конституционного контроля стоят на страже конституционных принципов и

ценностей, лежащих в основе национальной экономики, обеспечивают их незыблемость, реальность и непосредственность действия»¹.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации в сфере реализации права собственности направлены на недопустимость необоснованного ограничения данного права, а также создания правовых условий его реализации. Так, в постановлении от 14 мая 1999 г. № 8-П Конституционный Суд России указал, что меры, связанные с ограничением права собственности, «должны отвечать требованиям справедливости, быть соразмерны конституционно закрепленным целям и охраняемым законом интересам, а также характеру совершенного деяния»². В постановлении от 01 апреля 2003 г. № 4-П были сформулированы уточнения в отношении условий ограничения права собственности. В частности, он подчеркнул, что «предусмотренные ограничения должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц, носить общий и абстрактный

¹ Мочалов А.Н. Роль Конституционного Суда РФ в формировании институционально-правовой среды экономической деятельности // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 3. С. 27.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи

380 Таможенного кодекса РФ в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & G. Reliable Services, Inc.» // Собр. законодательства РФ. 1999. № 21. Ст. 2669.

характер, не иметь обратной силы и не затрагивать само существо конституционного права, т.е. не ограничивать пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм»³.

В сфере возможности ограничения права собственности правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации направлены на установления оснований и пределов таких ограничений. Основания ограничения права собственности должны отвечать следующим требованиям: законности, равенства, соразмерности, справедливости⁴. В постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что федеральный закон, ограничивающий право собственности, не должен затрагивать существо конституционного права⁵. Возможность ограничений права собственности должна исходить из необходимости защиты конституционных ценностей. Данная правовая позиция, в том числе, связана с защитой прав кредиторов, что в свою очередь является гарантией стабильности банковско-кредитной сферы государства. Содержание правовых позиций Конституционного Суда России позволяют сформулировать следующие выводы: «собственность обязывает», «право собственности должно соотноситься с правами других лиц», «исполнение собственником своих гражданско-правовых обязательств возможно за счет принадлежащего ему имущества».

Собственность – это материальная основа и отражение свободы личности в демократическом государстве. Конституционный Суд России определяет, что «собственность не только является необходимым условием свободного осуществления экономической деятельности, но и гарантирует реализацию иных прав и свобод»⁶.

Реализация права собственности предполагает равные возможности защиты для всех субъектов

гражданско-правовых отношений. В частности, орган конституционного контроля российского государства пояснил: «Право собственности и иные имущественные права... подлежат защите на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, кредиторов, должников»⁷. В Постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П, Суд подчеркнул, что «в случаях принудительного изъятия имущества должен осуществляться эффективный судебный контроль как гарантия принципа неприкосновенности собственности»⁸.

В сфере защиты добросовестных собственников необходимо отметить решение Конституционного Суда от 25 апреля 2011 года, в котором Суд установил, что орудие административного правонарушения не может быть конфисковано у лица, если оно не имеет документов, подтверждающих право собственности⁹. Тем самым, была усовершенствована позиция Суда, сформулированная ранее, в 1999 году, которая предполагала конфискацию имущества, в рамках таможенных правонарушений, в независимости от наличия права собственности на данное имущество у нарушителя¹⁰.

Можно сделать вывод, что начиная с 2011 года в сфере обеспечения баланса публичных и частных интересов делается акцент на защиту прав частных собственников. В постановлениях более раннего периода, в большей степени, защите подлежали публичные интересы. Данный вывод, помимо указанного выше Постановления от 14 мая 1999 года №8-П, подтверждает Постановление от 20 декабря 2010 года № 22-П, в котором Суд указал на необходимость учета «публичных интересов при осуществлении льготной приватизации государствен-

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 01 апреля 2003 г. № 4-П по делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И. В. Выставкиной // Собр. законодательства РФ. 2003. № 15. Ст. 1416.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2011 г. № 7-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и пункта 1 статьи 164 Таможенного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Костенко // Собр. законодательства РФ. 2011. № 22. Ст. 3237; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова // Собр. законодательства РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Собр. законодательства РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности

положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3695.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // Собр. законодательства РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собр. законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2011 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СтройКомплект» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2769.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. № 8-П // Собр. законодательства РФ. 1999. № 21. Ст. 2669.

ного и муниципального имущества субъектами малого предпринимательства»¹¹. В данном решении Конституционный Суд России подчеркнул, что муниципальная собственность не может подлежать отчуждению в пользу субъектов малого предпринимательства, если она необходима для решения вопросов местного значения. Указанное постановление получило неоднозначную оценку в науке, поскольку не были определены четкие основания передачи или отказа в передаче права собственности арендуемого публичного имущества частным субъектам¹². Правоприменительная практика знает многочисленные примеры, когда органы местного самоуправления необоснованно отказывали субъектам малого предпринимательства в возможности осуществления права на льготную приватизацию арендуемого имущества. Такие тенденции в последующем могут негативно повлиять на развитие малого предпринимательства в России.

Таким образом, сформулированные правовые позиции Конституционного Суда РФ позволяют выделить следующие принципы осуществления права собственности: соблюдение баланса публичных и частных интересов; обеспечение баланса прав и законных интересов всех участников гражданского оборота; неприкосновенность собственности. Право собственности может быть ограничено только на основе следующих принципов: недопустимость необоснованного ограничения данного права; соразмерности; справедливости; законности; направленности на защиту конституционных ценностей. Данные принципы должны учитываться законодателем при установлении границ реализации права собственности и правоприменителем в процессе его защиты.

Список литературы

1. Мочалов А.Н. Роль Конституционного Суда РФ в формировании институционально-правовой среды экономической деятельности // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 3. С. 27-36.
2. Винницкий А.В. Публичная собственность. М. 2013. 732 с.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса РФ в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С. И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & G. ReliableServices, Inc.» // Собр. законодательства РФ. 1999. № 21. Ст. 2669.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 01 апреля 2003 г. № 4-П по делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7

Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной // Собр. законодательства РФ. 2003. № 15. Ст. 1416.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собр. законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3695.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2010 года № 22-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой администрации города Благовещенска» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 264.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2011 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СтройКомплект» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2769.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2011 г. № 7-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и пункта 1 статьи 164 Таможенного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Костенко // Собр. законодательства РФ. 2011. № 22. Ст. 3237.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова // Собр. законодательства РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2010 года № 22-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъек-

тами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой администрации города Благовещенска» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 264.

¹² Винницкий А.В. Публичная собственность. М. 2013. С. 345.

POLITICAL SCIENCES

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В 1950-Х – 1960-Х ГГ. НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

Киселева С.О.

Студентка 2 курса бакалавриата

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

THE FOREIGN POLICY CONCEPT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA'S FOR THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY IN THE 1950 - 1960 YEARS OF THE XX CENTURY

Kiseleva S.

2nd year of bachelor's degree student

Russian State University for the Humanities, Moscow

DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-36-41](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-36-41)

Аннотация

Значимость Китая в мировой политике сегодня сложно оспорить, тем не менее, возрождение его авторитета на международной арене было непростым. С момента прихода коммунистов к власти, вектор внешней политики государства не раз менялся, исходя из перемен внутри страны или внешних факторов. В статье рассматривается политика Китая в 50-60х гг. XX века и особенности этого периода. Создание Китайской Народной Республики пришлось на тяжелейшее для всей страны время. От новообразованной республики в первую очередь ожидали решительных действий в аграрной и промышленной области. Экономическое развитие и стало основным приоритетом для руководства страны, также и во внешней политике. Цель статьи – проанализировать приоритетные принципы внешнеполитического и внешнеэкономического курса Китая в 50-60-е гг. XX века. Формулируемые нами задачи определяют осмысление значения прихода к власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном для последующего формирования внешнеполитической программы и его дальнейшая роль в изменениях внешнеполитического курса страны.

Abstract

The revival of China's credibility on the international stage was not easy. Since the communists came to power, the vector of the state's foreign policy has changed more than once. It was based on changes within the country or external factors. The article examines the policy of China in the 50-60 years of XX century and features of this period. The creation of the People's Republic of China by Chinese Communist leader Mao Zedong came at a very difficult time for the entire country. The decisive actions in the agrarian and industrial area were expected from the newly formed republic. Economic development has become the main priority for the country's leadership, also in foreign policy. The purpose of the article is to comprehensively analyze the priority principles of China's foreign policy and foreign economic course in the 50-60 years of the XX century. We formulate the tasks that determine the comprehension of the significance of the coming to power of the communists headed by Mao Zedong for the subsequent formation of the foreign policy program and its further role in the changes in the country's foreign policy course.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Мао Цзэдун, советско-китайские отношения, страны ЮВА.

Keywords: China's foreign policy, Mao Zedong, Soviet-Chinese relations, the of South-East Asian countries.

Введение

В настоящий момент с интересами Китая приходится считаться большинству государств, поэтому важно осмыслить его историю и особенности международных отношений. В 50-60-х гг. XX века экономическое развитие стало основным приоритетом для руководства страны во внутренней и во внешней политике. Китай стремился возродить авторитет в регионе, а затем и во всем мире, путем наращивания собственной мощи. Для достижения цели, ключевым направлением становится союз с Советским Союзом, который впоследствии подвергался критике, как с китайской, так и с советской стороны. Тем не менее, изучение того периода необходимо для объективного понимания того, как складывались отношения КНР и СССР. В тот период страны Юго-восточной Азии еще боролись за

свою независимость от западных держав. С соседними государствами Китай активно взаимодействовал уже многие века, однако с приходом новой власти появились и новые амбиции, которые не совпадали с реальным положением Китая. Объектом исследования является внешнеполитический и внешнеэкономический курс КНР в 50-60-е гг. Предмет исследования – изучение влияния внешней политики Китая на развитие экономики в 50, 60-е гг. Мы ставим целью – проанализировать приоритетные принципы внешнеполитического и внешнеэкономического курса Китая в период 50-60-е гг. XX века. В связи с этим, мы формируем следующие задачи:

а) осмыслить значение прихода к власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном для последующего формирования внешнеполитической программы;

б) рассмотреть роль личностного фактора в изменении курса внешней политики КНР под руководством Мао Цзэдуна;

с) изучить особенности советско-китайских отношений в 50-е гг. и причины ухудшения отношений;

г) изучить политику КНР в ЮВА в период 50-60-е гг. XX века.

В статье используются историко-генетический, хронологический, аналитический методы исследования. Источниковая база включает труды Мосякова Д.В., Бажанова Е.П., Виноградова А.О. Непомнина О.Е., Ульриха Тхеобалда, Воскресенского А.Д..

Приход коммунистов к власти в Китае

С приходом к власти в 1949 г. Мао Цзэдуна в качестве председателя Секретариата Политбюро коммунистической Партии Китая (КПК) внутренняя политика и ситуация в стране стала коренным образом меняться. Особенность политических взглядов Мао заключалась в стремлении «китаизировать» учение марксизма, адаптировать его под местный менталитет и культурные традиции. Его авторитет в партии был неоспорим, в отличие от некоторых его соратников, ориентированных на опыт СССР в построении коммунизма.

Мао Цзэдун начал с внутривнутрипартийных преобразований или внутривнутрипартийной чистки, повлекшие за собой формирование системы руководства, в которой многие коммунисты ощущали некую форму зависимости от лидера. Виноградов обращает внимание на то, что «внешняя политика КНР первых 30-ти лет, также как и внутренняя, являлась результатом борьбы различных сил в руководстве Китая. Тем не менее, определяющее влияние на нее оказывали взгляды непосредственно Мао Цзэдуна, возглавлявшего КПК и КНР и лично причастного к формированию курса Китайской Народной республики в отношениях с другими странами» [Виноградов, 2016]. Для многих в Китае приход коммунистов к власти знаменует начало новой эпохи. Но установлению власти предшествовали многие годы жестокой гражданской войны и войны с Японией. К 1949 году даже те районы, которые в начале века были наиболее развиты, находились в упадке. Поэтому, рассматривая роль коммунистической партии в развитии Китая и его экономики, необходимо учитывать предпосылки победы КПК. Баланс сил изменился в пользу коммунистов уже в годы Второй мировой войны. По мнению Непомнина «японское нашествие добавило к социально-экономическим и прочим бедам крестьянства еще и военные», а ответственность за ужасное положение миллионов людей, не только в деревне, ложилась на плечи правящей правительства Гоминьдана. В глазах народа, армия Чан Кайши не смогла выиграть у японцев ни одного сражения» [Непомнин, 2011, 434]. В 1945 году между Гоминданом и КПК было подписано соглашение о послевоенном устройстве Китая. Однако каждая сторона стремилась установить свою полную власть в Китае. Коммунисты перебрасывали свои войска в районы, граничащие с

СССР, откуда без затруднений можно было получить военную и прочую помощь. Чан Кайши был готов предоставить народу демократические свободы в виде легализации демократических партий, свободы политзаключенным и ликвидировать тайную полицию. Со стороны Мао Цзэдуна была готовность перенаправления войска в Маньчжурию, поскольку именно в Маньчжурии Гоминьдан терпел самые большие потери, там им «противостояли хорошо вооруженные войска, опиравшиеся на поддержку СССР с танками и артиллерией» [Мосяков, 2016, 281]. Таким образом, 1 октября 1949 Мао Цзэдун объявил о создании Китайской Народной Республики на площади Тяньаньмэнь. Первоочередной задачей в 1949 году было установление контроля над всей территорией Китая. Однако на юге страны еще велись боевые действия. Учитывая, что под властью коммунистов уже находились наиболее развитые районы, и авторитет Гоминьдана среди населения стремительно падал, захват оставшихся регионов был вопросом времени. Тем не менее, в первые годы существования КНР, внутри партии шли постоянные споры. Одним из противоречий был «вопрос, провоцировавший споры, исходящий из очевидного противоречия: в «Общей политической программе КНР» (временный основной закон до 1954 г.) указывается, что власть государства это «власть народного демократического единого фронта рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии, национальной буржуазии и прочих патристических демократических элементов, основанного на союзе рабочих и крестьян и руководимого рабочим классом» [Непомнин, 2011, 477]. Однако численность рабочих в рядах партии ограничивалась всего несколькими процентами. Мао Цзэдун в своих работах резко критиковал партийные кадры, которые не оказывали достаточного внимания пролетариату. Мосяков считает, что «другой важный вопрос развития страны заключался в выборе стратегии социалистического переустройства Китая. Теоретики выдвигали два сценария, первый подразумевал народно-демократическую революцию с постепенными реформами, с сохранением частной собственности мелкого и среднего предпринимательства, отдельного владения крестьян землей. Новое правительство больше склонно именно к такому варианту социалистического переустройства. Компартия унаследовала от Гоминьдана уже национализированную банковскую систему, систему транспорта, наиболее развитую часть крупной промышленности и вкпе с земельной реформой 1951 г. (земля передавалась от помещиков в собственность малоземельных и безземельных крестьян) частнокапиталистическая промышленность «давала довольно высокие темпы роста» и положительно влияла на общую экономическую ситуацию в стране. Второй сценарий экономических преобразований подразумевал, что Китаю стоит немедленно перейти к «этапу социалистического строительства», минуя восстановление экономики после длительной войны. Этому сценарию и последовал Мао Цзэдун и его приверженцы. Так в 1951-1952

была начата масштабная борьба с частным бизнесом. Частные предприятия превращались в смешанные государственно-частные, многие фирмы закрывались, а их хозяев арестовывали. Такая политика быстро привела к сокращению производства, дефициту товарооборота, росту безработицы, появлению дефицита на отдельные товары» [Мосяков, 2016, 282].

Отношения СССР И КИТАЯ 1949-1956 гг. «Склонение в одну сторону».

Установление власти коммунистов в Китае происходило в напряженное время холодной войны. Два полюса силы – СССР и США боролись за влияние во всем мире, и Юго-Восточная Азия в 50-е и 60-е годы стала эпицентром их противостояния. Мао Цзэдун хотел видеть Китай гегемоном в регионе, однако сначала следовало восстановить экономику, определиться с идеологией, добиться всеобщего признания власти коммунистов в стране. Новообразованная Китайская Народная Республика 1 октября 1949 г. не могла противостоять сверхдержавам экономически и политически, а соседние страны либо сами опирались на помощь одного из государств, либо еще были на этапе войн за свою независимость. По мнению Виноградова «в условиях холодной войны и противостояния двух лагерей во главе с Советским Союзом и США новый Китай был так или иначе вынужден примкнуть к одному из этих лагерей» [Виноградов, 2016]. В китайской историографии внешнеполитическую программу КНР с 1949 до 1956 года так и именуют – период «склонения в одну сторону». Советско-китайский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», подписанный в Москве 14 февраля 1950 года, вступил в силу 11 апреля 1950 года и действовал до 11 апреля 1980 года. 16 декабря 1949 года Мао Цзэдун отправился с официальным визитом в свою первую поездку в Советский Союз, чтобы после согласований его деталей, подписать договор. Детали касались советских привилегий в Синьцзяне и Маньчжурии; вопросов о возвращении Китаю Китайско-Чанчуньской железной дороги, военно-морской базы в Порт-Артуре и портов Дальянь и Лушунь. Одним из наиболее важных пунктов было предоставление Китаю от СССР кредита в размере 300 миллионов долларов на льготных условиях из расчета 1% годовых сроком на 10 лет для китайцев, в результате десятилетней напряженной войны. [Песков, 2010, с. 111]. По мнению Виноградова «китайская историография оценивает заключение этого договора как «победу китайской дипломатии» и лично Мао Цзэдуна, однако Советскому Союзу был нужен сильный союзник, разделяющий его интересы, на Дальнем Востоке. Советское руководство видело в таком сотрудничестве шанс для дальнейшего продвижения своей идеологии в Юго-Восточной Азии, надеясь через Китай добиться расширения своего влияния. Поэтому СССР продолжал активно поддерживать КНР на протяжении 1950х и 1960х годов XX века. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 года, как вынужденная мера, предоставил Китаю условия

для модернизации экономики и укрепления собственной армии, также исключил опасность нападения соседних государств [Виноградов, 2016]. Н.С.Хрущев отправился с официальным визитом в Пекин в октябре 1954 г. в честь пятой годовщины провозглашения КНР. Основной темой для переговоров стало советско-китайское научно-техническое содействие. В результате было подписано 10 соглашений, включая «Протокол о размере и номенклатуре поставок оборудования», предполагающий сооружение 15 предприятий. К этому моменту Советский Союз уже участвовал в реконструкции 156 ключевых объектов, на основе которых создавалась почва для быстрых результатов в развитии промышленности. Время близкого сотрудничества с Советским Союзом принесло Китаю такие важные отрасли промышленности, как авиационная, автомобильная, радиотехническая. Научные работы и проекты по возведению промышленных предприятий поступали из СССР сотнями. Бажанов подчеркивает, что «для обеих стран позиция идеологической близости двух правящих партий определялась враждебным окружением, холодной войной и военной напряженностью. В Пекине все решения СССР во внешней политике поддерживали, и в критические моменты выражали солидарность с советским руководством, в частности, во время венгерских и польских событий 1956 г. Обе стороны выступали с одинаковых позиций по основным проблемам современности, региональным конфликтам, заявляли о своей решимости совместно противостоять провокациям империалистических сил» [Бажанов, 2013, с. 222]. Со временем успехи в экономике наталкивали Мао Цзэдуна и его последователей на мысль о гегемонии Китая над регионом, причем в скорейшие сроки. Отношение Советского Союза к КНР как к «младшему брату» совсем не отвечало его великодержавным стремлениям. Он считал, что постоянная оглядка на опыт СССР сдерживает темпы экономического роста Китая. Мао Цзэдун видел реальный путь развития страны в виде «скачкообразной модернизации» Китая, вывода страны на новый уровень, особенно в военной области, а также в промышленности, в сельском хозяйстве, науке и технике, в сфере образования» [Мосяков, 2016, 286].

Ухудшение советско-китайских отношений в 1956-1966 гг.

Период десятилетия 1956-1966-х гг. часто именуется «периодом упорядочивания внешней политики» или термином из боевого искусства – «удар двумя кулаками», который переводят как «борьба на два фронта», подразумевающий одновременную борьбу против «американского империализма» и «советского ревизионизма». По мнению Виноградова, в этом и был смысл нового курса внешней политики Китая – «переход от «склонения в одну сторону» к одновременной борьбе в опоре на страны Азии, Африки и Латинской Америки с международным империализмом во главе с США и с международным ревизионизмом во главе с Советским Союзом» [Виноградов, 2016]. Существует много разных точек зрения на раскол в отношениях между

СССР и Китае, и до сих пор идет дискуссия о его истинных причинах. Официально, поводом для конфликта считается выступление Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, призывающая к разоблачению культа личности И.В. Сталина. После съезда, Мао Цзэдун выдвинул обвинения в сторону советского лидера. Он обвинил Хрущева в ревизионизме и отходе от «правильного марксизма». Как считает Бажанов, «разногласия по ключевым проблемам были между правительствами КНР и СССР начались еще с подписания советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» 1950 года. Мао Цзэдун, во время ухудшений связей с Советским Союзом, заявлял, что Сталин навязал Китаю два соглашения: а) о смешанных обществах и б) дополнительное соглашение о запрещении деятельности иностранного капитала в Маньчжурии и Синьцзяне. Кроме того, противоречия наблюдались и во взглядах на международную ситуацию. К примеру, в Пекине считали, что существует серьезная опасность агрессии со стороны США, и просили увеличения военной помощи. Хрущев настаивал на том, что империалисты не посягнут ее развязать из-за возросшей мощи СССР и всего Варшавского Договора, и ратовал за сокращение вооружений». [Бажанов, 2013, с. 222]. Обострение отношений с СССР означал переход к новому этапу во внешней политике, что сразу отразилось на экономике. В 1958 году Коммунистическая партия Китая (КПК) установила новую программу для второй пятилетки – «большой скачок» или резкий подъём экономики страны. Мао Цзэдун считал, что Китай может построить социализм намного быстрее и лучше, чем СССР. В это же время Хрущев принимает решение отозвать советских специалистов из КНР, что сразу отразилось на ухудшении советско-китайских отношений. Китай стал искать союзников среди западноевропейских стран, Японии, США. Однако Америка видела в КПК противника, другие западные государства также не стремились к сближению. По мнению Ульриха Тхеобалда «в данной ситуации, Мао Цзэдун решил сделать главную ставку во внешней политике на развивающиеся страны. С соседними государствами к 60-м годам Китай имел довольно напряженные отношения, однако Мао Цзэдун стремился обосновать необходимость в сотрудничестве теоретически. В 1965 г. он выступил с теорией «народных войн», в которых страны Азии, Африки должны противостоять странам Запада, в том числе и СССР. А в 70х Мао Цзэдун разработал «теорию трех миров», в которой он призывал всех не империалистических стран не бояться и не идти на поводу у США [Theobald, 2017]. Таким образом, к 1966 году, советско-китайские отношения прошли путь от разногласий к полемике, и, в итоге, к разрыву отношений и угрозе войны.

Политика и экономика КНР в Юго-Восточной Азии

В первые годы существования Китайской Народной Республики советская внешнеполитическая доктрина являлась главным ориентиром для политического руководства. Такая установка в Китае получила название «склонение в одну сторону».

Мао Цзэдун в 1948-1949 выдвинул две другие установки, которые легли в основу внешнеполитического курса: 1) стать независимым во внешней политике и 2) исходить исключительно из национальных интересов в процессе принятия решений. Именно среди стран Юго-Восточной Азии Китай хотел в первую очередь укрепить свой авторитет.

Вторая мировая война дала мощный толчок к развитию освободительных движений в странах Азии и Африки, поскольку многие государства были колониями или полуколониями стран Запада. Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Индия, Индонезия вели активную борьбу за свою независимость, при этом задействовали вооруженные силы. Однако стремление стран к самостоятельности не было единственной причиной военных действия в регионе. По мнению Воскресенского «после второй мировой войны на первый план выдвинулось противостояние между двумя новыми сверхдержавами – США и СССР и их основной ареной столкновения стал Азиатско-Тихоокеанский регион» [Воскресенский, 2010, с. 32]. КНР с самого начала имел лидерские амбиции в отношении Юго-Восточной Азии (ЮВА), но на тот момент у страны не было сил для давления на соседние страны. Поэтому вскоре основным фактором в политике КНР в странах ЮВА стало сотрудничество с местными коммунистическими партиями. Правительство Китая рассчитывало на приход этих партий к власти в своих государствах и старалось помогать им по мере своих возможностей, к примеру, военную помощь Северному Вьетнаму в борьбе за независимость. финансовую помощь Гамаль Абдель Насеру, президенту Египта в ходе конфликта в районе Суэцкого канала в 1956 году [Виноградов, 2016]. Как пишет Мосяков – «надежды руководства КНР на приход коммунистов к власти в странах ЮВА были вполне реальными в период после окончания Второй мировой войны. Коммунисты в Бирме, Малайе, Лаосе, Камбодже, Филиппинах имели собственные вооруженные отряды, многие из которых уже успели себя проявить в борьбе против японской оккупации. В 1948 г. в городе Калькутта, в Индии состоялась Конференция молодежи стран Юго-Восточной Азии, на которой присутствовали представители компартий большинства стран» [Мосяков, 2016, 26]. Однако на долгое время укрепиться коммунистам у власти получилось только в Северном Вьетнаме, создав единый фронт под руководством Хо Ши Мина, которому удалось соединить разные классы общества воедино благодаря общенародной идее. Корейская война привела к еще большей изоляции Китая, особенно от западных государств. Первоначально Корея не была для Америки столь значимым регионом, однако в ходе Корейской войны позиция США поменялась. Война привела к большому интересу Америки к политической обстановке в ЮВА, и потеря влияния в этом регионе теперь рассматривалась как серьезная угроза, которая может повлечь за собой и дальнейшее ослабление своих позиций. Правительству КНР пришлось оставить надежды на возвращение Тайваня в ближайшем времени, так как США предприняли все

попытки на укрепление его обороны. В связи с этим, в первой половине 50х годов, отношения Китая со странами ЮВА продолжали идти на спад. Джон Вонг считает, что «попытки Китая перенаправить торговлю в сторону их партнеров по социалистическому лагерю привели к упадку в торговле с соседними странами. Правительство, установленное на Филиппинах, избегало контактов с любой коммунистической страной и наложило полный запрет на торговлю с Китаем. В Тайланде прямая торговля с Китаем в 1950х годах не была незаконной, но официально была нежелательной. В Индонезии торговля с Китаем до 1953 г. еще, по сути, не успела начаться, так как дипломатические отношения были подавлены. Даже в Малайзии, Сингапуре, где бизнес обычно стоял в стороне от идеологических соображений, торговля была затруднена эмбарго ООН» [Wong, 1984, p. 4].

Начиная с 1954 г. было подписано Соглашение о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией, но вопрос о спорных территориях на границах государств был отложен. Тем не менее, правительство Индии окончательно признало Тибет китайской территорией. В апреле 1955 г. по инициативе государств Южной и Юго-Восточной Азии – Индии, Индонезии, Пакистана, Бирмы и Цейлона, в городе Бандунге, состоялась конференция азиатско-африканских стран. Китайская Народная Республика, возглавляемая Чжоу Эньлаем, была приглашена на конференцию при активном соучастии Индии и лично его премьер-министра Джавахарлала Неру. Принципы мирного сосуществования в ЮВА, выдвинутые Чжоу Эньлаем, были развернуты до 10 пунктов и серьезно повлияли на принятие резолюции конференции. Этим самым размывался принцип неприсоединения к блокам и военно-политическим союзам [Воскресенский, 2021, с. 33]. Однако как подчеркивает Джон Вонг, на Бандунгской конференции китайская делегация выступала не как представительница стран социализма, а как символ победы в освободительной борьбе. Это вполне вписывалось в стратегию Мао Цзэдуна, поскольку конференция позволила Китаю расширить экономические связи с соседними странами, предоставив более благоприятную политическую обстановку. Толчок к развитию торговли исходил из двух факторов: 1) Китай нуждался в уменьшении своей зависимости от торговли с Советским Союзом, которая на своем пике развития достигала 74% от общей торговли Китая. Для этого стране необходимо было развивать свой традиционный рынок; 2) потребность КНР в рынке сбыта для своей продукции, которой, по результатам первого пятилетнего плана (1953-1957) образовалось немалое количество. Страны Юго-Восточной Азии еще не перешли к собственной программе индустриализации, поэтому являлись потенциальными закупщиками. Китай начал активно поставлять свои товары в конце 1950х, в частности текстильные изделия, в соседние государства. [Wong, 1984, p. 4].

С конца 1950х годов Китай начал вести внешнюю политику агрессивно. Помимо проявления

прямой агрессии, как например, в Тайваньском кризисе 1959 г. где национальная освободительная армия Китая (НОАК) открыла огонь по западной части территории Тайваня, КНР поддерживала коммунистические партии в соседних государствах в стремлении возобновить борьбу за власть. Китайское руководство, разжигая витки гражданских войн в странах ЮВА, добивалось осуществления двух целей: с одной стороны, в разгорающемся споре с КПСС показать Москве и ее союзникам подлинно революционную политику, утверждая себя в авангарде коммунистического движения; с другой стороны – в случае успеха компартий ЮВА КНР превратилась бы в том регионе в доминирующую геополитическую силу [Мосяков, 2016, 29]. В том же 1959 году последовал конфликт с Индией. После подавления массового восстания тибетцев в марте 1959 года против власти КНР, огромное количество людей бежали с Тибета в Индию и Непал. На тот момент, Индия являлась соперником Китая на лидерство в организации Движения *неприсоединившихся* и других развивающихся стран, и такое событие отозвалось на китайско-индийских отношениях резко негативно, в итоге приведя к вооруженному столкновению, которое продолжалось не один год. Джон Вонг считает, что агрессивная внешняя политика КНР влекла за собой ухудшения в торговых отношениях. К началу 60х экономические связи с такими странами, как Таиланд свелись на нет. Несмотря на то, что в начале 1960-х годов китайско-индонезийская торговля продолжала процветать, со временем она также поддалась политическому вмешательству. К 1967 году Джакарта приостановила все контакты с Пекином. В итоге, к началу 1970-х гг. торговые отношения у Китая сохранились только с Сингапуром и Малайзией, но велись они без прямой дипломатической основы [Wong, 1984, p. 7].

Заключение

Разработка стратегии по дальнейшему развитию внешней политики КНР во многом зависела от взглядов ее лидеров, поскольку по своей исторической традиции, роль личности в политике Китая велика. Однако при правительстве Мао Цзэдуна reverted настоящая диктатура. Мао Цзэдун был революционером. Придя к власти, он еще многие годы не хотел отказываться от своей идеи распространения коммунизма, а вместе с ним и влияния Китая на мировое сообщество. Мао стремился использовать сложившуюся ситуацию в мире в свою пользу. Советский Союз был готов оказывать помощь в надежде на дальнейшую поддержку, а соседние страны стремились освободиться от влияния Запада и установить новые правительства. Однако национальные интересы КНР для внешней политики были более важными. В период с 1949 г. до середины 1950-х гг., Китайская Народная Республика нуждалась в ресурсах для восстановления своей экономики. Заключив выгодный союз с СССР, и разработав пятилетний план развития, через несколько лет Китай действительно достиг успехов, как во внутреннем развитии, так и в нала-

живании отношений с иностранными государствами. С этого момента Мао Цзэдун хотел проводить более независимую политику, но в итоге перешел к конфронтации с бывшими союзниками.

Таким образом, перемены в международной обстановке сильно влияют на торговые возможности государства, особенно в напряженный период холодной войны. Политика Мао Цзэдуна была неоднозначной, но для понимания нынешней ситуации на международной арене, весьма важно изучать ее *исторические*, географические и социально-политические фоновые знания.

Список литературы

1. Бажанов Е.П. От дружбы через конфронтацию к нормализации. Советско-китайские отношения с 1949 и до 1991 года /Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013. С. 704. С.217-299
2. Виноградов А.О. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949 – 1976 гг. / Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. [Электронный ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949_1976_gg_2016-08-15.htm (дата обращения 09.07.2021)
3. Воскресенский А.Д. Восток периода деколонизации / Сравнительная политика – 2010 г. – №2. С. 31-44

4. «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» 15 февраля 1950 г. / «Ведомости Верховного Совета СССР», 16 ноября 1950 г. № 36 (651).

5. Мосяков Д.В. Новая и Новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ. Институт востоковедения РАН. Москва, 2016. – 560 стр.

6. Непомнин О.Е. История Китая. XX век / М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт +, 2011. – 736 с.

7. Песков, Ю. К 60-летию Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. / Ю. Песков // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 1. – С. 110-123.

8. Сотникова И. Н. К вопросу о Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. / Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2014. С. 239-246.

9. Ulrich T., Foreign Relations 1950-1960-China Knowledge (2017) URL: <http://www.chinaknowledge.de/History/PRC/prc-event-fo..> (дата обращения 12.07.2021)

10. Wong, J. The Political Economy of China's Changing Relations with Southeast Asia. London: "Palgrave", 1984, 246 pp.

ПОДХОДЫ США И РОССИИ К ФОРМИРОВАНИЮ НОВОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Хлопов О.А.

*кандидат политических наук,
доцент кафедры американских исследований
факультета зарубежного регионоведения и внешней политики
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
Москва*

THE US AND RUSSIAN APPROACHES TO FORMATION OF A NEW PERSIAN GULF SECURITY SYSTEM

Khlopov O.

*PhD in Political Science
Associate Professor, Department of American Studies
Faculty of International Relations and Foreign Area Studies of Foreign Regional Studies
Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow
DOI: [10.24412/9215-0365-2021-71-5-41-47](https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-71-5-41-47)*

Аннотация

В статье исследуется меняющийся характер отношений между США и арабскими странами Персидского залива и причины начала медленного ухода США из региона Персидского залива, что является симптомом структурного сдвига в балансе мировых сил. В статье проанализированы факторы, которые приводят к изменению международного порядка в Персидском заливе и положили начало ослаблению мощи США и усилению влияния России и Китая в этом регионе.

Автором утверждается, что США ожидают от своих ближайших региональных партнеров разделить бремя ответственности по поддержанию безопасности в этом регионе, на основе баланса сил и концепции оффшорного балансирования. Россия предлагает более широкий формат для диалога, который смог бы

привести к созданию региональной системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива, включая все страны региона, а также внешних акторов США, Китай, Индию, ЕС и другие заинтересованные стороны.

Abstract

The article analyses the changing nature of relations between the United States and the Arab countries of the Gulf and the reasons of the beginning of the slow withdrawal the USA from the Gulf region, which is a symptom of a structural shift in the balance of world power. The article analyzes the factors that has led to the change of the international order in the Persian Gulf and marked the beginning of the weakening of US' power and the strengthening of the influence of Russia and China in this region.

The author argues that the United States expects from its closest regional partners to share the burden of responsibility for maintaining security in the region, based on the balance of power and the concept of offshore balancing. Russia offers a broader format for dialogue that could lead to the creation of a regional system of collective security in the Persian Gulf zone, including all countries of the region, as well as external actors the United States, China, India, the EU and other interested parties.

Ключевые слова: региональная безопасность, внешняя политика, баланс сил, оффшорное балансирование, международное сотрудничество, Персидский залив, США, Россия.

Keywords: regional security, foreign policy, balance of power, offshore balancing, international cooperation, Persian Gulf, USA, Russia.

Регион Персидского залива стал стратегическим центром мировой политики за последние двести лет. Сначала он служил воротами для Британской Империи, чтобы обеспечить безопасность и обслуживание колониальной Индии. После Второй мировой войны он превратился в центр мировых энергетических рынков: сегодня 18,5 млн. баррелей в сутки проходит через Ормузский пролив [1]

США сыграли ключевую роль в обеспечении безопасности не только арабских государств Персидского залива с тех пор, как Великобритания покинула субрегион в 1971 г, но, что, возможно, более важно, Ормузских пролив стал центральной нервной системой мировых энергетические рынки.

Персидский залив имеет особое геоэкономическое и геополитическое значение. В регионе Персидского залива находится одно из самых важных стратегических узких мест в мире для мировой торговли - Ормузский пролив, через который проходит около 35% мировой морской торговли нефти, в дополнение к природному газу и другим товарам [2].

Великобритания, например, доминировала в Персидском заливе с 1820 по 1971 гг., используя его в качестве важного связующего звена со своими колониями в Индии. Для британской военно-морской стратегии гавани Персидского залива всегда играли решающую геополитическую роль в сдерживании великая евразийская сухопутная держава, будь то Россия или СССР. Соединенные Штаты использовали ту же стратегию с тех пор, как они стали главным гарантом региональной безопасности.

С экономической точки зрения почти 65% доказанных запасов нефти в мире и 40% мировых запасов природного газа расположены в регионе Персидского залива. Около 27% мировой добычи нефти ежедневно добывается странами Персидского залива. На одну только Саудовскую Аравию приходится примерно 15% мировой добычи нефти, 21% мировых доказанных запасов, в то время как Иран и Ирак имеют по 10% каждая, а остальные страны Персидского залива 6–8%. [3] Кроме того, более половины потребностей западного мира и Японии в нефти удовлетворяется за счет поставок из стран Персидского залива, в то

время как только около 15% импорта американской нефти поступает из Персидского залива.

Иран обладает 17% мировых доказанных запасов газа и почти 10% запасов нефти, а Катар 14%. Катар и Иран будут крупнейшими производителями газа на Ближнем Востоке в период с 2010 по 2040 год. [4] Фактически, 61% мировых запасов природного газа расположены на едином гигантском месторождении, разделенном между Катаром и Ираном, известном как «Северное месторождение» в Катаре и «Южный Парс» в Иране.

Регион Персидского залива претерпевает серию глубоких изменений. Баланс сил между державами на региональном и международном уровне переходит от порядка, в котором доминируют США, к порядку, который свидетельствует о растущем влиянии Китая, России и Индии и других региональных государств.

С момента президентства Б. Обамы (2008–2016 гг.) США ясно дали понять, что они больше не хотят играть роль единственного внешнего поставщика безопасности. Это не означает, что США настолько ослабли в военном отношении, что стали второстепенным игроком. США остаются доминирующей силой в регионе, и их военные активы, возможно, больше, чем когда-либо прежде.

В то же, вполне вероятно, что США утратили политическую волю проецировать свою мощь в одностороннем порядке и противостоять силам, кроме как нанесения серьезных ударов по террористическим организациям, таким как так ИГИЛ (запрещенное в России) и тем самым создается вакуум силы, который постепенно восполняется Россией и Китаем как стратегическими державами.

США возглавили коалицию против ИГИЛ и предоставили поддержку с воздуха, так и силами специального назначения, чтобы свести на нет территориальные завоевания ИГИЛ в Ираке и Сирии, но они не были готовы развернуть силы против национальных государств, противостоящих из политики.

Россия извлекла выгоду из колебаний США и активизировала свои отношения со странами Ближнего Востока, в частности, с Сирией, Саудовской

Аравией, Катаром и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ). После событий "арабской весны", начавшиеся в конце 2010 г., Россия очень эффективно поддержала сирийское правительство Б.Асада, разместив вооруженные силы в Сирии, оказав дипломатическую поддержку Турции, Ирану и Египту и начав нефтяную дипломатию с Саудовской Аравией и ОАЭ.

Китай, с другой стороны, продолжал развивать и углублять отношения со всеми странами Персидского залива, включая Саудовскую Аравию и Иран. Его энергетические отношения с крупными производителями нефти и газа стали еще более тесными и интегрированными, несмотря на стремление Пекина диверсифицировать свои источники энергии.

В то время как политические амбиции Москвы в регионе Ближнего Востока и Персидского залива очевидны, Пекин изучает возможные варианты. Китайское руководство прекрасно понимает, что США оставляют после себя политический вакуум - нестабильность в ряде государств, включая Сирию, Йемен, Ирак и Ливию. КНР рассматривает возможность углубления своего политического и дипломатического взаимодействия в регионе для обеспечения стабильности, прекращения израильско-палестинского конфликта и разрешения разрушительного саудовско-иранского соперничества [5].

Этот регион является одной из «самых горячих точек» из-за этнических, религиозных и политических различий между прибрежными государствами региона. На протяжении всей истории войны были обычным явлением, и военные действия продолжают вспыхивать даже сегодня.

США и арабские государства Персидского залива. Принято характеризовать отношения между США и арабскими странами Персидского залива через призму безопасности и энергии. Условия торговли изначально основывались на предоставлении США безопасности в обмен на гарантии выживания режима и свободного потока нефти. В значительной степени этот транзакционный аспект отношений носит исторический характер, поскольку арабские государства Персидского залива и их предшественники искали поддержки у внешних держав, включая Британию и Османскую империю, чтобы поддержать свое лидерство, в обмен на предоставление доступа к важным торговым путям.

Отношения между США и арабскими государствами Персидского залива были более чем транзакционными: они были углублены благодаря связям между различными государственными и негосударственными акторами. Это способствует подливанию отношений, даже если влияние США уменьшится.

За последние тридцать лет в регионе произошли три войны, приведшие к региональной и глобальной нестабильности: ирано-иракская война 1980-1989 гг., война в Персидском заливе 1990-1991 гг., вторжение в Ирак под руководством США в 2003 г. и свержение режима Саддама Хусейна. Ракетно-ядерные и ядерные программы Ирана также

ознаменовали потенциальную гонку вооружений в регионе. Ревизионистская политика Ирана дестабилизирует региональный баланс, и может дестабилизировать регион больше, если он будет иметь контролировать ядерное оружие.

Проблемы региональной безопасности стран Персидского залива. Безопасность в Персидском заливе определяется как сосредоточение внимания на шести государствах-членах Совета сотрудничества стран Персидского залива - Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, а также государствами Персидского залива Йемен, Ирак и Иран. Фактически, никогда не существовало консенсуса или универсального определения безопасности.

С другой стороны, несмотря на то, что США при администрации Д.Трампа улучшила отношения между Америкой и странами Персидского залива, тем не менее, он поддержал основные принципы "доктрины Обамы", включая: сокращение американских сил и американского присутствия в регионе; сосредоточение внимания на повороте в сторону Азии и сдерживание влияния Китая в Азии; отказ от ответственности по защите монархий Персидского залива; наконец, борьба с терроризмом, но при полном сотрудничестве с местными партнерами, будь то государственные или негосударственные акторы.

Так в Стратегии национальной безопасности 2017 г. администрации Д.Трампа отмечено, что обеспечение безопасности в Персидском заливе является основной обязанностью государств региона, а не Соединенных Штатов, угроза национальной безопасности США исходит из Азии, а не из региона Персидского залива, а сдерживание роста Китая является основным приоритетом Америки [6]. Таким образом, Д. Трамп также публично критиковал Саудовскую Аравию и других союзников из Персидского залива за то, что они не платят справедливую долю за защиту безопасности США.

Такой подход отражен в "Стратегии национальной обороны" 2018 г. В этом документе вновь подтверждаются угрозы, которые исходят от Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, и его политические амбиции по «региональной гегемонии в ближайшем будущем» и вытеснение Соединенных Штатов для достижения глобального превосходства в будущем» [7].

Однако в нем ничего не упоминается о приверженности США в обеспечении безопасности в Персидском заливе. Эти сдвиги в стратегических приоритетах Вашингтона привели к *призывам о необходимости разработки новой американской политики безопасности в Персидском заливе.*

Слишком глубокое американское вмешательство на Ближнем Востоке привело к прямо противоположному результату. Несмотря на гибель более 6500 военнослужащих США (и примерно 300 000 гражданских лиц) в Ираке и Афганистане, а также расходы на более чем \$3,4 триллиона, Ближний Восток не стал более стабильным, демократическим и процветающим, чем он был два десятилетия

тия назад. Фактически, с 2003 г. регион стал свидетелем неспособности Вашингтона обеспечить региональную безопасность, значительно ухудшились отношения Америки с большинством региональных держав, увеличились террористические угрозы, включая ИГИЛ и Аль-Каиду, которые, несмотря на потерю большинства своих первоначальных лидеров, разрослись по всему региону [8].

Сегодня Вашингтону *становится трудно поддерживать уровень более крупного военного развертывания сил за рубежом*. Войны в Афганистане и Ираке стоили от \$4 до \$6 триллионов, в них погибло около 7000 солдат США и было ранено более 50 000 [9].

Новая стратегия должна помогает снизить количество террористических атак против целей США. Чем меньше Соединенные Штаты вовлечены в Ближний Восток, тем меньше вероятность того, что их граждане подвергнутся нападению со стороны террористов из этого региона.

Не случайно Швейцария не страдает от ближневосточного терроризма. Усама бен Ладен был одним из первых критиков американского присутствия в регионе, оправдывая свои варварские террористические атаки рассказом о сопротивлении оккупации. Он обвинил Соединенные Штаты в «оккупации земель ислама в самом святом месте, на Аравийском полуострове» и призвал каждого мусульманина убивать американцев до тех пор, пока американские войска не будут выведены из Саудовской Аравии.

Кроме того, регион Персидского залив и Ближний Восток в целом больше не являются исключительной сферой влияния Америки. Новая стратегия США, направленная на *частичный уход из региона побудила другие региональные и внерегиональные державы к укреплению отношений в военной сфере и безопасности со странами Персидского залива*.

Например, Франция и Великобритания усилили свою роль в сфере безопасности и обороны в Персидском заливе. Они особенно воспользовались давним желанием монархий Персидского залива диверсифицировать источники импорта оружия и их стратегией хеджирования против США путем укрепления безопасности и военных отношений с другими внерегиональными державами.

Например, в 2014 г. Великобритания открыла свою первую военно-морскую базу в Манаме, Бахрейн, после отсутствия постоянного британского военно-морского присутствия в течение десятилетий и также подписала крупное соглашение о сотрудничестве в области безопасности с Катаром. В апреле 2016 г. Великобритания и Оман подписали меморандум о взаимопонимании и строительстве постоянной базы недалеко от оманского порта Дукм.

Аналогичным образом, Франция открыла военную базу в Абу-Даби, свою первую новую военную базы за 50 лет за пределами своей территории и Африки.

Оба государства увеличили объем продаж оружия государствам Персидского залива. Например, в

2017 г. Великобритания подписала сделку о продаже дополнительных самолетов Qatar24 Turphoon Fighter за \$3 млрд. В том же году Франция подписала с Катаром крупную сделку на \$14 млрд. на поставку самолетов, бронетехники, современных систем вооружения и гражданской инфраструктуры. Это соглашение было заключено всего через два года после того, как Катар приобрел у Франции 24 истребителя Rafale за \$7,1 млрд.

Тем не менее, несмотря на такие успехи, ни Франция, ни Великобритания не обладают военным потенциалом, ресурсами или политической волей, чтобы заменить США в качестве основного поставщика внешней безопасности в Персидском заливе

Единственные функции безопасности, которые могут играть Соединенные Штаты это безопасность на море и борьба с терроризмом при полном сотрудничестве государства региона. В этом контексте монархии Персидского залива должны взять на себя ответственность по защите своих внешних и внутренних угроз.

Кроме того, как *показывают социологические опросы американский народ в основном против вмешательства США в другие регионы*. По данным исследовательского центра Pew Research Center, в 2013 г. 52% опрошенных американцев считали, что Соединенные Штаты «должны заботиться о своем собственном бизнесе на международном уровне и позволять другим странам ладить, насколько это возможно, самостоятельно» [11].

Аналогичным образом, опрос Pew в апреле 2016 г. обнаружили, что 57% американцев согласны с тем, что США должны «решать свои собственные проблемы и позволять другим решать свои, как можно лучше». С другой стороны, арабский народ демонстрирует усталость от американской политики. Опрос Арабского центра исследований и политических исследований (ACRPS), охвативший 84% населения арабского мира в 2011 г., показывает, что 73% жителей региона считают США и Израиль двумя странами с наибольшей угрозой своим интересам [12].

Более того, нынешний статус Ирака, ядерные технологии Ирана, роль негосударственных акторов и других внешних игроков доказали, что усилия США по установлению стабильности и мира провалились. В свою очередь страны Персидского залива также не смогли создать основу безопасности для региона. Учитывая эти неудачи, пришло время попробовать что-то другое: вернуться к прежней стратегии оффшорного балансирования.

Оффшорное балансирование является теоретической моделью, учитывая приоритеты и нежелание США в одностороннем порядке гарантировать региональную безопасность, а также рост новых региональных и международных держав, включая Китай, Индию, Россию и Турцию, Иран и Саудовскую Аравию.

Стратегия оффшорного балансирования (равновесия) была политикой Вашингтона по отношению к региону с 1970-х по 1990-е гг. до тех пор,

пока США не стали глубоко вовлечены в политические процессы Ближнего Востока.

Оффшорное балансирование это внешнеполитическая концепция, используемая в анализе международных отношений сторонниками школы политического реализма. Она описывает стратегию, когда великая держава использует привилегированные региональные державы для сдерживания роста потенциально враждебных стран при помощи поддержания приблизительного баланса сил в том или ином регионе.

Ряд авторитетных американских экспертов по стратегии, такие как Джон Миршеймер, Стивен Уолт, Роберт Пейп, Сумантра Майтра, Патрик Портер, Эндрю Басевич, являются сторонниками этого подхода, утверждая, что стратегия оффшорного балансирования имеет свои исторические корни в великой британской стратегии в отношении Европы, которая в конечном итоге была принята и проводилась США и Японией на различных этапах их истории.

По мнению американского политолога Джона Миршеймера, оффшорное балансирование было стратегией, используемой Соединенными Штатами в 1930-х гг., а также во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Соединенные Штаты поддержали проигравшую сторону (Ирак) в ирано-иракской войне, чтобы предотвратить развитие регионального гегемона, который в конечном итоге может поставить под угрозу влияние США. Эта же стратегия использовалась во время холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом [13].

Стратегия «оффшорного баланса» позволяет великой державе сохранять свою мощь без затрат на развертывание крупных вооруженных сил по всему миру. В центре внимания американских сторонников оффшорного балансирования находятся три ключевых геополитических региона мира: Европа, Северо-Восточная Азия и Персидских залив, т.к. Европа и Северо-Восточная Азия являются крупными промышленными центрами мира, в которых находятся все другие великие державы и Персидский залив из-за его важности для мирового нефтяного рынка. За пределами этих регионов оффшорный балансир не должен беспокоиться о развитии событий.

Кроме того, государство, стремящееся к оффшорному балансированию, должно сначала попытаться переложить ответственность за поддержание региональной безопасности на местные центры силы и вмешаться только в том случае, если угроза слишком велика для других держав в регионе. [9].

Сторонники оффшорного балансирования полагают, что попытки сохранить гегемонию США как единственной мировой сверхдержавы приведут к объединению других государств против Соединенных Штатов и, в конечном итоге, к снижению их относительной мощи. Согласно этой точке зрения, поскольку Соединенные Штаты не могут остановить рост новых великих держав, они должны стремиться к стратегии перекладывания бремени,

при которой другие возьмут на себя ответственность за поддержание регионального баланса сил и решение региональных проблем безопасности. Оффшорное балансирование предполагает, что США будут определять свое военно-политическое поведение в соответствии с распределением сил в ключевых регионах мира. Если потенциального гегемона в Персидском заливе не видно, нет оснований и для размещения в регионе сухопутных войск или ВВС, соответственно, нет необходимости наращивать военный потенциал.

В этом случае США должны обратиться к странам региона, своим ближайшим, позволив им *поддерживать баланс сил на собственном пространстве*. Вашингтон может предоставлять помощь союзникам и обещать поддержку в случае угрозы нападения, но должен воздерживаться от размещения значительных военных контингентов за границей. В некоторых случаях имеет смысл сохранить небольшие контингенты, объекты для сбора разведанных или склады военной техники, но в целом переложить ответственность за поддержание безопасности на региональные державы, которые в большей степени заинтересованы в предотвращении доминирования над ними одного из государств.

Таким образом, настаивая на снижении бремени ответственности и затрат ресурсов и сферах влияния, сторонники оффшорного балансирования надеялись смягчить негативную реакцию против гегемонии США, особенно после начала войны с терроризмом и войны в Ираке 2003–2011 гг.

Возвращение к первоначальной американской стратегии оффшорного балансирования предполагает резкое сокращение количества американских военных за рубежом и союзнических обязательств, а также сдвиг в сторону большей сдержанности и скромности в политике США в целом. Она основана на идее, что это сокращения фактически приведет к лучшим результатам в области безопасности по более выгодной цене [14].

Стратегия оффшорного балансирования в Персидском заливе означает, что Соединенные Штаты будут использовать военно-воздушный и военноморской потенциал для противодействия угрозам, а также усилить свою приверженность делу защиты своих союзников Персидского залива, укрепляя свои оборонные возможности за счет продажи оружия и военной подготовки. Эти элементы могут помочь Соединенным Штатам разработать сбалансированную стратегию по ограничению угроз, и также продемонстрировать способность Америки обеспечить безопасность на Ближнем Востоке, что позволяет не увязнуть в войнах своих региональных партнеров.

В этом контексте Вашингтон передаст государствам региона задачи по поддержанию их региональной безопасности, включая затраты и риски, связанные с их защитой, а также поддержание баланса сил в их собственном районе. Государства региона будут нести ответственность за обеспечение безопасности своего региона, а не просить Вашингтон сделать это за них [13].

При таком подходе Соединенные Штаты вынуждены сократить свое военное присутствие в регионе, оставив лишь минимум текущих договоренностей на месте. Они включают в себя сохранение штаба 5-го флота в Бахрейне, авиабазу Аль-Удейд в Катаре, некоторых видов вооружений в Кувейте и Катаре и объектов для сбора разведанных. В целом, Вашингтону будет воздерживаться от развертывания больших сил в Персидском заливе, и полагаться на ограниченные средства.

При оффшорном балансировании Вашингтон не должен предоставлять странам Персидского залива гарантии, которые могут слишком прямо втянуть его во многие региональные конфликты в таких местах, как Сирия и Йемен [15]. Кроме того, оффшорное балансирование это стратегия сдержанности, которая позволила бы США, чтобы минимизировать риски открытой конфронтации с новыми великими державами [16], и также избавит от бремени управления вопросами безопасности в неспокойном Персидском заливе и приведет к экономии в сфере обороны в размере 16–29% [14].

Таким образом, очевидно, что США начали медленный и неумолимый уход из Персидского залива. Ряд событий и кризисов в регионе такие, как война с талибами и оккупация Афганистана в 2001 г., возглавляемая США войну против Ирака в 2003 г., последствия "арабской весны", а так же развитие ядерной программы Ирана, ускорили этот процесс. Все это ведет к изменению международного порядка в Персидском заливе и ослаблению мощи США, усилению влияния России и Китая в этом регионе.

В 2019 г. *России со своей стороны также предложила инициативу по нормализации ситуации в регионе Персидского залива - "Концепция обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива"*. Российская концепция основана на идеи создания системы безопасности в зоне Персидского залива, которая "может сыграть ключевую роль в консолидации политико-дипломатической активности в этом районе. Речь идет о реализации долгосрочной программы действий по нормализации обстановки, укреплению стабильности и безопасности, урегулированию конфликтов, определению основных ориентиров и параметров будущей системы посткризисного устройства, а также путей реализации связанных с этим задач [17].

Центральной долгосрочной задачей, согласно этой инициативе является создание организации по безопасности и сотрудничеству в зоне Персидского залива (ОБСПЗ), куда, помимо стран Залива, на правах наблюдателей или ассоциированных членов входили бы Россия, Китай, США, ЕС, Индия и другие заинтересованные стороны.

Очевидны различия в подходах США и России. Переход к оффшорному балансированию со стороны США нацелен на пересмотр отношений со своими союзниками, оперативной совместимости и военной интеграции, укреплять свой военный по-

тенциал и сотрудничество посредством совместных учений и тренировок, обмена разведанными, интеграции и оперативной совместимости [18].

Российский подход основан на вовлечение в диалог широкого круга участников, который, в конечном результате, смог бы привести к формированию международного *форума для обсуждения региональных угроз и архитектуры безопасности* который должен стремиться к расширению мер по укреплению доверия между военными между странами Персидского залива, а также Ираном и Ираком. При этом Иран и Ирак должны быть членами такого форума. Общей целью была бы такая среда безопасности, в которой каждое государство чувствовало бы, что его основные интересы безопасности и цели национального развития соблюдаются всеми его соседями. Долгосрочная реализация этих целей, способствует привести к созданию организации по безопасности и сотрудничеству в зоне Персидского залива.

Стратегия оффшорного балансирования является лишь одним из вариантов внешнеполитического курса США в этом регионе, учитывая их склонность к меньшему участию гарантировать региональную безопасность и возрастающее влияние региональных и глобальных держав, включая Китай, Индию, Россию и другие страны Турцию, Иран и Саудовскую Аравию.

Дискуссии и мнения склоняются к пониманию того, что американские интересы можно реализовывать более эффективно, применяя сдержанный подход, который может привести к восстановлению баланса между американскими обязательствами и интересами в регионе после длительного периода чрезмерных обязательств и необходимостью сотрудничества со всеми заинтересованными странами. Очевидно, что, в нынешних условиях односторонние действия, даже если они минимизируют вовлеченность США в политические процессы региона Персидского залива требуются эффективные согласованные меры всего международного сообщества для нормализации обстановки в зоне Персидского залива, преодоления затянувшейся кризисной стадии и создания коллективной системы региональной безопасности.

Список литературы

1. US Energy Information Administration, "World Oil Transit Chokepoints", 25 July 2017/ URL: <https://www.eia.gov/beta/international/regions-topics.php?RegionTopicID=WOTC>. (дата обращения 23.07.2021).
2. El-Katiri Mohammed. The United States-Gulf Cooperation Council Security: Cooperation in a Multipolar World. Philadelphia, PA: Strategic Studies Institute. The United States Army War College. October, 2014.
3. Layne Ch. Offshore Balancing Revisited //The Washington Quarterly, Vol. 25, №. 2, Spring 2002, pp. 233–248.
4. Congressional Research Service, Statement of Kenneth Katzman, Specialist in Middle Eastern Af-

fairs Foreign Affairs, Defense and Trade Division Before Subcommittee on the Middle East and North Africa. House Committee on Foreign Affairs House of Representatives. Hearing On "The Gulf Cooperation Council Camp David Summit: Any Results?" July 9, 2015.

5. Helena Legarda, Marie L. Hoffmann. China as a Conflict Mediator: Maintaining Stability Along the Belt and Road. Mercator Institute for China Studies. 22 August, 2018. URL: <https://www.merics.org/en/china-mapping/china-conflict-mediator>. (дата обращения 20.06.2021).

6. The White House. National Security of the United States of America. December 2017 URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 23.07.2021).

7. Department of Defense. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. Department of Defense, Washington, January 2012. URL: https://archive.org/details/Sustaining-US-Global-Leadership_-_Priorities-for-21st-Century-Defense-January-2012 (дата обращения 23.07.2021).

8. Peter Van Buren. How The U.S. Wrecked The Middle East. // The American Conservative. October 22.2015. URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/how-the-u-s-wrecked-the-middle-east/> (дата обращения 15.07.2021).

9. Kazianis H. The Bill for the Iraq and Afghanistan Wars: \$4 to \$6 Trillion // The Diplomat, April 04, 2013. URL: <https://thediplomat.com/2013/04/the-bill-for-the-iraq-and-afghanistan-wars-4-to-6-billion/> (дата обращения 16.07.2021).

10. Szalai, Máté, The Alliance Dilemma of the Gulf States After the Obama Presidency // The Corvinus Journal of International Affairs. Vol. 2, №. 2–3, 2017, pp. 3–18.

11. Kohut A. American International Engagement on the Rocks. Pew Research Center. Report JULY 11, 2013. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2013/07/11/american-international-engagement-on-the-rocks/#fn-27679-1> (дата обращения 19.07.2021).

12. Salman M. Hedging in the Middle East and China-U.S. Competition. University of Salford, 2015, URL: <http://usir.salford.ac.uk/37897/> (дата обращения 23.07.2021).

13. Mearsheimer J., Walt, St. The Case for Offshore Balancing // Foreign Affairs, July/August 2016, pp. 70–83.

14. Brands H. The Limits of Offshore Balancing. Carlisle, PA.: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, September 2015

15. Shanahan R. Looking for Leadership in the Arab Middle East. Lowy Institute for International Policy. Sydney, October 2015.

16. Layne Ch. Offshore Balancing Revisited // The Washington Quarterly, Spring 2002, pp. 233–248.

17. Российская Концепция обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива. МИД РФ. 23.07.2019. URL: https://www.mid.ru/rossijskaa-koncepcia-kollektivnoj-bezopasnosti-v-zone-persidskogo-zaliva/-/asset_publisher/2IVdNGBn6g2B/content/id/3733575 (дата обращения 19.07.2021).

18. Kraig M. R. Forging a New Security Order for the Persian Gulf. Stanley Foundation, Muscatine, IA, USA. January 2006.

VOL 5, No 71 (71) (2021)

The scientific heritage

(Budapest, Hungary)

The journal is registered and published in Hungary.

The journal publishes scientific studies, reports and reports about achievements in different scientific fields.

Journal is published in English, Hungarian, Polish, Russian, Ukrainian, German and French.

Articles are accepted each month.

Frequency: 24 issues per year.

Format - A4

ISSN 9215 — 0365

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal.

Sending the article to the editorial the author confirms its uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

Chief editor: Biro Krisztian

Managing editor: Khavash Bernat

- Gridchina Olga - Ph.D., Head of the Department of Industrial Management and Logistics (Moscow, Russian Federation)
- Singula Aleksandra - Professor, Department of Organization and Management at the University of Zagreb (Zagreb, Croatia)
- Bogdanov Dmitrij - Ph.D., candidate of pedagogical sciences, managing the laboratory (Kiev, Ukraine)
- Chukurov Valeriy - Doctor of Biological Sciences, Head of the Department of Biochemistry of the Faculty of Physics, Mathematics and Natural Sciences (Minsk, Republic of Belarus)
- Torok Dezso - Doctor of Chemistry, professor, Head of the Department of Organic Chemistry (Budapest, Hungary)
- Filipiak Pawel - doctor of political sciences, pro-rector on a management by a property complex and to the public relations (Gdansk, Poland)
- Flater Karl - Doctor of legal sciences, managing the department of theory and history of the state and legal (Koln, Germany)
- Yakushev Vasilij - Candidate of engineering sciences, associate professor of department of higher mathematics (Moscow, Russian Federation)
- Bence Orban - Doctor of sociological sciences, professor of department of philosophy of religion and religious studies (Miskolc, Hungary)
- Feld Ella - Doctor of historical sciences, managing the department of historical informatics, scientific leader of Center of economic history historical faculty (Dresden, Germany)
- Owczarek Zbigniew - Doctor of philological sciences (Warsaw, Poland)
- Shashkov Oleg - Candidate of economic sciences, associate professor of department (St. Petersburg, Russian Federation)
- Gál Jenő - MD, assistant professor of history of medicine and the social sciences and humanities (Budapest, Hungary)
- Borbély Kinga - Ph.D, Professor, Department of Philosophy and History (Kosice, Slovakia)
- Eberhardt Mona - Doctor of Psychology, Professor, Chair of General Psychology and Pedagogy (Munich, Germany)
- Kramarchuk Vyacheslav - Doctor of Pharmacy, Department of Clinical Pharmacy and Clinical Pharmacology (Vinnytsia, Ukraine)

«The scientific heritage»

Editorial board address: Budapest, Kossuth Lajos utca 84,1204

E-mail: public@tsh-journal.com

Web: www.tsh-journal.com